

КРУПНЫЙ ЖАНР (ЗНАМЕНИТЫЕ ТУЛЯКИ)

Владимир Федоров
(г. Москва)

СОЗВЕЗДИЕ МАРИИ
Историческая драма

Федоров Владимир Николаевич — поэт, прозаик, драматург. Действительный член Академии духовности, Академии российской литературы, член-корреспондент Академии поэзии России, заслуженный работник культуры, лауреат Государственной премии Якутии, лауреат Большой премии России, международных премий «Триумф» и «Литературный Олимп», а также обладатель других писательских и государственных наград. Автор восьми сборников стихов, нескольких повестей, романа «Сезон зверя», более десяти пьес, поставленных в Сибири, Москве и Санкт-Петербурге, ряда научно-популярных изданий о традиционных верованиях. Долгое время жил на Крайнем Севере, в Якутии, в настоящее время работает главным редактором «Общеписательской Литературной газеты» в Москве.

Пьеса поставлена в Русском академическом театре города Якутска и с успехом там идет буквально в эти дни. Главные герои Василий и Татьяна (Мария) Прончищевы — родом из Тульской губернии. И Семен Челюскин тоже родился там. Кинопроект по этой пьесе кинокомпании «КАРО Продакшн» получил в 2015 году гранты Министерства культуры РФ и Русского Географического общества. Начало съемки художественного фильма (рабочее название «Командор Полярной звезды») запланировано на весну текущего года, окончание — на конец года. Он уже попал в список 25 самых ожидаемых российских фильмов 2016 года. В тексте пьесы стоят песни, на них написана музыка русским композитором Виктором Климиным, они звучат в спектакле, будут звучать и в фильме.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Поэт — персонаж, ведущий рассказ от лица автора.

Петр I — российский император, положивший своим Указом начало Великой Северной экспедиции.

Василий Прончищев — лейтенант флота, командир Ленского отряда Великой Северной экспедиции.

Мария — тульская дворянка, жена лейтенанта Василия Прончищева.
Семен Челюскин — штурман Ленского отряда, помощник и друг Василия Прончищева.
Витус Беринг — командор Великой Северной экспедиции, обрусевший датчанин, связавший судьбу с Россией.
Анна — жена Витуса Беринга, предприимчивая молодая особа.
Дмитрий Овцын — лейтенант флота, командир Енисейского отряда, друг Василия Прончищева.
Екатерина Долгорукая — невеста Петра II, сосланная после его смерти в Сибирь императрицей Анной Иоанновной.
Анна Иоанновна — российская императрица.
Бирон — герцог Курляндский, обер-камергер, фаворит Анны Иоанновны.
Миллер — академик, начальник научного отряда экспедиции, немец по национальности и ученому духу.
Делакруа — шпион, устроенный под видом иноземного ученого в экспедицию для ее подрыва и хищения секретных сведений.
Удаган-Куо — якутская красавица-шаманка.
Петр Ласиниус — лейтенант флота, командир Колымского отряда, датчанин на русской службе.
Мартын Шпанберг — капитан, помощник Беринга, отличавшийся жестокостью и свирепым нравом.
Иван Попов — гардемарин, ученик Навигацкой школы, открытой Берингом в Якутске.
Дамаскин — иеромонах, священнослужитель экспедиции.
Степан Зверев — матрос отряда Прончищева.
Андрей Зырянов — матрос отряда Прончищева.
Остальные матросы, участники экспедиции, жители России и Якутии.

Практически все герои драмы — реальные исторические личности, современники и участники Великой Северной экспедиции. Самому старшему из них, Берингу, в ту пору исполнилось 50 лет, остальные были намного моложе: командирам отрядов едва стукнуло по 30, Марии и Анне было чуть за 25, а Екатерине и того меньше. События, описанные в пьесе, происходили в 1720—40 годах, что полностью отвечает действительности, но автор из художественных соображений иногда позволял себе совмещение и смещение времени и пространств.

Настоящее имя Прончищевой было неизвестно науке более двух столетий, и только в 1983 году, когда уже существовал первый вариант этого произведения, российские историки выяснили, что ее звали Татьяной. Тем не менее, автор решил оставить свою героиню под именем Марии, с которым она много лет жила в легендах и преданиях, в устах полярных исследователей и которым на всех картах мира обозначены бухта, полуостров и гора, названные в ее честь на побережье Ледовитого океана. Такой факт, на взгляд автора, не мог быть простой ошибкой картографов...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Тревожно вспыхивают и гаснут огни Зимнего дворца, на фоне окон беспокойно мечутся тени придворных с криками «Государю плохо!», «Лекарей быстрее!», «Го-

сударь очень плох!», «Его Величество в беспамятстве!» «Петр Алексеич, батюшка, родимый!» Тени подхватывают едва не упавшего царя, укладывают его на кровать. Кто-то из дам обмахивает царя веером, вбегают лекари...

Но в диссонанс всеобщей тревоге и панике начинает звучать музыкальная тема «Дворец — танец шутов».

Эта тема отныне и до самого конца будет сопровождать недалекую наследницу Петра Великого, любительницу шутов и оружейной пальбы Анну Иоанновну, а также ее фаворита Бирона, который и до воцарения, и после не расставался с императрицей ни днем, ни ночью и, как известно, фактически правил за нее страной.

Пока же Анна и Бирон не предполагают о своем будущем взлете и сидят у самовара в далекой Курляндии. Анна Иоанновна, больше похожая на провинциальную помещицу, чем на наследницу трона, держит в руках письмо из столицы и пересказывает его красавчику Бирону. Несколько шутих пытаются ненавязчиво развеселить хозяйку, но она не обращает на них внимания, увлеченная новостями из письма.

Анна Иоанновна. Опять наш государь всех изумил! Ох, не живется спокойно Петру Алексеичу! Не живется... Учудил дядюшка, дай ему Бог здоровья (крестится) и долгого царствования.

Бирон. О чем вы, Анна Иоанновна? Никак государь указ какой необыкновенный изволили подписать? Али реформацию новую замыслили?..

Анна Иоанновна. Да какую тебе реформацию! В Неву бросился, в воду ледяную. В ноябре-то месяце!.. (Поворачивается раздраженно к шутихам.) Пошли прочь! Не до вас теперя! (Снова обращается к Бирону.) Вот ты бы, Ернст Биронов, решил бы на такое? В Неву ледяную?..

Бирон. В Неву?! В ноябре?! Увы, Анна Иоанновна, я не столь отважен, как наш великий государь...

Анна Иоанновна. А за меня бы бросился?..

Бирон (припадая к ее руке). За вас, ваша светлость, я и в огонь пламенеющий, и в воду ледяную... А государь, они по какой причине соизволили?!..

Анна Иоанновна (выдергивая руку из ладоней Бирона и возмущенно произнося). В том-то и суть, по самой ничтожной!.. Какие-то там то ли матросы, то ли гар... (смотрит в письмо, отыскивая слово) гарда... гарды...

Бирон (подсказывая). Гардемарины, быть может...

Анна Иоанновна. Точно, гардемарины, не выговоришь, будь они неладны, на шлюпке плыли да перевернулись. А он и прыгнул с корабля своего в воду! Спасать бросился! Двух али трех на берег вытащил. Рази императорское дело матросишков спасать да энтих, как их, гар... гарда... тьфу!..

Бирон. Гардемаринов...

Анна Иоанновна. Мало ли их у него, чтоб живота императорского не щадить! Рази они того стоят?!

Бирон. Да не стоят, конечно! Побережь бы себя государю императору...

Анна Иоанновна. Поберегся! Слег теперя от простудной немочи! Обезножил, (тычет в письмо) пишут, вовсе обезножил, благодетель наш, защитник... Из-за такого-то ничтожества...

Бирон (мечтательно-двусмысленно). Дай ему Бог здравия, а вашему великому роду Романовскому — долгого и счастливого царствования... (Припадает к ее руке, а потом смеется и начинает обнимать Анну.)

Анна Иоанновна (наигранно пытаясь остановить Бирона). Ну же, баловник, не в такой же печальный час... Я вон шутих своих с горя прогнала... Ну же, баловник, конфузно теперя... Пристойней за государя помолиться да в лесок съездить, на охотку малую, на зайчишек, без веселья, смиренно...

Бирон (смелея). На охотку можно и опосля... И помолиться опосля...

Действие переносится в Навигацкую школу Санкт-Петербурга. Звучит музыкальная тема «Гардемарины». Мы оказываемся в фехтовальном зале, где увлеченно сражаются на рапирах гардемарины Семен Челюскин и Дмитрий Овцын. Вдруг в зал вбегает гардемарин Василий Прончищев. Прекратив бой, Челюскин и Овцын бросаются приветствовать друга, которого, судя по всему, уже давно не видели.

Челюскин (обнимая Прончищева). Привет! Наконец-то явился, гардемарин Прончищев, душа пропадающая!

Овцын (хлопая по плечу). Привет, Василий, привет! И где тебя столь носило?!..

Прончищев (закашлявшись, немного смущенно). Да вот носило...

Челюскин. Не случилось ли дома чего недоброго? Али сам захворал? Кашляешь вон...

Прончищев. Да нет, нет. Дома все в полном здравии. И я тоже. А сие (хлопает по груди) — пустяк, к завтраму пройдет. Промок малость в водичке студенной...

Овцын. А где ж ты тогда столь долго плутал?

Прончищев (спешно скидывая кафтан, беря в руки рапиру). Потом, Дима, потом расскажу...

Овцын (вставая в позицию против Прончищева). Уж не в соседском ли опять имении?.. Угадал?!

Прончищев (сознаваясь). Угадал...

Челюскин. У родичей той самой девицы Кондыревой, о которой ты сказывал?..

Прончищев. У них, Семен, у них...

Овцын. Приворожила никак?

Прончищев (обреченно). Что уж от друзей скрывать...

Овцын. Ну, ты герой!..

Челюскин. Герой-то герой, да чем теперь сей амур обернется... Голова-то где была?

Прончищев (сникая). Не было головы... Да и сейчас нету... Не знаю, что и делать.

А коли выгонят...

Овцын. Мы за тебя постоим! (Обращаясь к Челюскину.) Правда, Семен? Постоим?

Челюскин. Конечно! К командиру пойдем. Друзей в беде не бросают!

Овцын. Да не тушуйся ты так! Мы же гардемарины! Птенцы Петровы!

Челюскин. И впрямь, выше голову, гардемарин Прончищев! А ну, бери рапиру! Защищайся!

Звучит тема «Гардемарины», и друзья, прерывая фехтование, все вместе поют песню.

Нас с тобою манят в далекий путь шторма и грозы,
Нас обветренный парус мчит по морю призрачных снов.
И цветет в наших грезах лишь одна на свете роза —
Это роза ветров, несущих к подвигу ветров.
Мы же гардемарины!
Мы же гардемарины!
Наши души едины,
Единые сердца.
Вместе мы до конца!
Рядом мы до конца!
С другом мы до конца!
Мы с тобою пройдем, как долг велит, боя и бури.
Наш Андреевский росчерк будет в небе гордо сиять.
И нести будут нас восходам встреч среди лазури

Наша вера и честь, у нас которых не отнять.
Мы же гардемарины!
Мы же гардемарины!..

Песня прерывается прозвучавшим приказом: «Гардемарин Прончищев, немедленно явиться к начальнику школы!» И следом голос невидимого начальника начинает устраивать разнос Василию.

Голос. Гардемарин Прончищев, нам доложено, что ты опоздал к началу занятий на две недели! Али беда какая приключилась?

Прончищев. Никак нет, ваша светлость...

Голос. Тогда изволь объясниться!

Прончищев (выдавливая из себя). Я... по дороге... ваша светлость... в соседнее имение... к Кондыревым... заехал...

Голос. И что?

Прончищев. И... и... не смог сразу, ваша светлость...

Голос (раздраженно). Чего не смог?!

Прончищев. Уехать не смог, ваша светлость...

Голос. Почему?

Прончищев. За-за-гостился...

Голос (взрываясь от возмущения). Загостился! На две недели! Да ты мыслишь, гардемарин, чего говоришь-то?! Али тебе школа Навигацкая, что приют бродяжий?! Ответствуй!

Прончищев. Никак нет, не приют, ваша светлость... Виноват...

Голос. Гнать таких в три шеи надобно!

Прончищев. Простите, ваша светлость... Никогда более...

Голос. И впрямь бы выгнал, коли не был бы ты, гардемарин, в науках навигацких столь хорош...

Прончищев. Никогда более, ваша светлость...

Голос. В карцер на две недели! На хлеб и воду! И чтоб ни шагу из школы до последней аттестации.

Прончищев. Слушаюсь, ваша светлость... (*Затемнение*).

Картина вторая

Звучит музыкальная тема «Поэт», на ее фоне появляется автор повествования и начинает читать стихи, объясняющие зрителю причину, по которой он решил поделиться с ним этой историей любви.

Поэт.

Я — поэт... И не раз
на волшебных крылах
вдохновения
я над сенью веков
и над дальними далями мчал.
Много я повидал
и высоких страстей,
и горения,
но такую любовь,
лишь однажды
я вдруг
повстречал!

Понял я в тот же миг,
что теперь не узнаю
покою,
даже если Господь
на уста мне возложит печать.
Мне уже не избыть,
Не забыть мне во веки такое,
О любви их
святой
Я обязан всем вам
рассказать!

Поэт исчезает. Действие переносится в карцер, где сидит Василий Прончищев.

Прончищев (рассуждая вслух). Как же, как я мог разом уехать от любви моей ненаглядной! Да эти две недели, как день единый, промелькнули... И ведь столь лет друг друга знали, с детства вместе играли... и ничего... а тут полыхнуло, как пожар... Милая моя!.. *(Начинает петь.)*

Пусть хотят нас разлучить,
Только нас не разделить,
Я мечтою буду жить,
Я тобою буду жить.
Я мечтою буду жить,
Я тобою буду жить.

*Милая моя, любимая, ты у огня,
Родимая, в сиянье дня,
Нежная моя красивая, ты жди меня,
И я к тебе вернусь!..*

Я пройду сквозь шторм любой,
Я пройду сквозь смертный бой,
Только б встретиться с тобой,
Только б рядом быть с тобой!
Я пройду сквозь смертный бой,
Только б рядом быть с тобой!

Прончищев (закончив пение, вздыхая). Вернусь-то вернусь, да вот только когда... Теперь ни к ней, ни домой до будущей осени не отпустят... И как я только доживу-то до дня того?.. Кажется — и вовсе не дождусь... А как же она там, Машенька моя милая?.. Грустит ли по мне, али забылась уже с подруженьками?..

Начинает звучать музыкальная тема «А ты, где ты?», в осеннем лесу появляется грустная Мария, которая любит Василия так же сильно, как он ее, и так же не может дождаться их встречи. Она поет.

Мария.

Снова на исходе лета
В ливнях золотого света
Расцвели опять осенней радугой мечты.
Я тебя забыть не в силах,
Я тебя зову, мой милый.

Я тебя люблю,
А ты, где ты?

Неужели так случилось,
Что судьба нас разлучила
И не суждена нам скоро встреча?
Я тебя забыть не в силах,
Я тебя зову, мой милый,
Я тебя люблю,
Я тебя люблю!

Я своей любви не скрою,
Я взлечу над всей Землею
И в последний миг тебя увижу с высоты.
Я тебя забыть не в силах,
Я сгорю звездой, милый.
Я тебя люблю,
А ты, где ты?!

Мария. Где же ты, Васенька мой милый? Неужель не слышишь, как я тут по тебе тоскую?.. (*Достает из-за корсета письмо, пробегает глазами.*) Неужто и впрямь тебя на побывку не отпускают?.. А может... А может, сам не хочешь?.. Разлюбил, может?.. Нет! Нет!.. Я же тебя уж который год люблю и жду, Васенька...

Картина третья

Вновь звучит тема «Гардемарины». Морские штурманы Василий Прончицев, Дмитрий Овцын и Семен Челюскин, оживленно разговаривая, входят в усадьбу Кондыревых. В руках у Василия — большая цветная коробка с иностранными надписями.

Прончицев. Слава Богу, отслужили первый год! Как только вытерпел, сам не знаю!.. А вдруг она откажет? Вдруг не захочет со мной под венец?..

Челюскин (стараясь поддержать друга). Да как отказать такому герою! Лучший выпускник Навигацкой школы! Первый штурман! Самой царевой яхтой командуешь!

Прончицев. Да разве это ж главное... Столь времени не видались, может, она уж разлюбила...

Овцын. Если любила по-настоящему — не разлюбила.

Прончицев. А ты-то откуда знаешь, у тебя же еще никого не было...

Челюскин. А он из книг, из романов французских. Овцын же у нас читатель первостатейный.

Овцын (Челюскину). Тебе ли насмехаться, Семен, сам еще ни одной девицы под руку не держал...

Прончицев. Да, хороши у меня сваты-помощники, столь искушены в делах амурных...

Челюскин (первым увидев Марию). Тише!.. Вон, смотрите, не она ли это, Василий? Кра-си-ва-я...

Прончицев. Она! Она! Любимая!

Мария. Вася, Васенька!.. Приехал...

Василий и Мария спешат навстречу друг другу, едва сдерживаясь, чтобы не броситься в объятия. Василий протягивает Марии коробку.

Мария. А что это такое?

Василий. Подарок. Туфельки тебе. Из Парижу.

Мария (всплескивая руками). Да неужто из самого Парижу?!. Васенька! (Целует *Прончищеву в порыве благодарности*). А примерить можно?

Василий. На то и куплены!

Мария тут же с восхищением и осторожностью (а вдруг малы!) надевает туфельки.

Мария (радостно). Впору! Впору, Васенька! Как по мерке! (*Кружится от избытка чувств*).

Друзья одобрительно хлопают Василия по плечам, мол, молодец, угодил невесте!

Начинает звучать вальс «Как музы'ка поет». Василий приглашает Марию на танец, во время которого звучат слова их объяснения. Семен Челюскин пытается заставить себя не смотреть на Марию, но не может этого сделать — он влюбляется в нее с первого взгляда.

Василий (начиная петь первым).

Как музы'ка поет!
Дай же руку скорее, любимая!
Как музы'ка поет,
И как крылья растут за спиной!
Ты Богиня моя,
Ты звезда моя неугасимая!
Я люблю и молю:
Согласись стать моею женой!

Мария (отвечая Василию).

Как музы'ка поет!
Я согласна, согласна, мой суженый!
Как музы'ка поет,
Я об этом мечтала года!
Ты единственный мой,
О другом и не грезила мне я.
Об одном лишь прошу,
Чтобы рядом мы были всегда.

Василий.

Я могу обещать
В этот миг только сердце горячее,
Только смелость и честь
Я могу в этот миг предложить.
И на свете прожить
Не сумею, родная, иначе я,
Чтоб России моей,
Как любви твоей, не служить.

После окончания вальса, к радости всех собравшихся (кроме потрясенного Челюскина) начинается знакомство родственников Марии с друзьями Василия, а потом и приготовление к помолвке. Но все это обрывает гонец, который вбегает и кричит: «Господа штурманы!.. Господа штурманы!.. Срочный приказ! Государь император немедленно призывает вас к себе!.. Немедля призывает!.. Плох он очень...» Едва не начавшаяся помолвка прерывается и откладывается на неизвестный срок.

Овцын оставляет свою даму, Прончищев — растерянную и расстроенную Марию, не менее расстроенных ее родственников. Челюскин украдкой бросает прощальный взгляд на невесту. Друзья спешат к умирающему Петру I.

Звонит колокол, начинается хор «Умирает царь».

Умирает царь, умирает царь,
Умирает...
Из дворца летит, третий день летит
Хриплый глас.
Призывает царь, призывает царь,
Призывает
Всех птенцов своих, чтоб последний им
Дать наказ.

Умирает царь, умирает царь,
Умирает,
И в его руках огонек свечи
Так дрожит.
Умирает Петр, умирает Петр,
Умирает,
Но его мечты завершить сполна
Нам велит.

Когда Прончищев, Челюскин и Овцын оказываются в царском дворце, у постели умирающего Петра уже стоят Витус Беринг, Шпанберг, Миллер и Ласинус, а также царедворцы и лекари. На некотором отдалении находятся Анна и Бирон. Увидев, что все собрались, царь приподнимается на постели и объявляет свою последнюю волю.

Петр (с трудом, преодолевая боль). Ну, здорово, здорово, слуги мои верные...

Все. Здравия желаем, ваше величество. Здравия желаем...

Петр (прерывая всех взмахом руки). Да какое там здравие... Немного мне осталось... Потому и призвал так спешно... *(Обращается к Витусу Берингу).* Поддай-ка мне карту, Беринг!.. *(Разворачивает с помощью Беринга карту, где все побережье севера и востока России от Оби и до Амура — сплошное белое пятно.)* Империей правим, просвещенными людьми себя мним, а того не ведаем, где в море Ледовитом края империи нашей, и сколь далеко они на норд уходят. А на осте *(показывает на восток страны)* и того хуже. Сходится ли Россия с Америкой посуху, али есть меж ними пролив — никто не разумеет. Не дело, границ своих не ведать. Не дело... Не ровен час, к конфузу нашему мореходы аглицкие либо гишпанские вперед сии проливы и земли проведают да еще и оттяпают изрядно. А посему, капитан Беринг, назначаю тебя как вояку бывалого и в делах корабельных искушенного — командором великой и дальней экспедиции. Вот тебе указ царской *(подает свиток)* о Камчатской экспедиции.

Беринг. Слушаюсь, государь. И исполним, как повелеваете.

Петр. Ты, Беринг, поедешь в Сибирь первым, оглядишься там, обустроишься. А сии штурманы морские, птенцы Петровы *(показывает на молодых штурманов)* погода за тобой последуют. Командиров отрядов произвести в лейтенанты! *(После паузы, переведя дыхание).* Повелеваю пройти на кораблях морем Ледовитым и прочими морями на ост вдоль границ российских и в точности их на карту нанести... Профессору Миллеру с помощниками *(указывает на него)* достоверно изучить и людей та-

мошных, и натуру, и руды северные для прибытка нашего. Многотрудной и опасной станет сия экспедиция, неведомо, сколь лет на нее положите, и сколь душ, но почитайте дело свое не токмо за долг перед Отчеством, но и за завещание мое царево...

Отдав из последних сил очень важное для него распоряжение и поверив, что оно будет исполнено, Петр I теряет сознание. Снова звучит тема «Умирает царь».

На этом фоне командор Беринг устраивает переключку подчиненных офицеров.

Беринг. Капитан Шпанберг!

Шпанберг. Я!

Беринг. Лейтенант Прончищев!

Прончищев. Я!

Беринг. Лейтенант Овцын!

Овцын. Я!

Беринг. Лейтенант Ласиниус!

Ласиниус. Я!

Беринг. Штурман Челюскин!

Челюскин. Я!

Беринг. Так поклянемся же исполнить волю Государеву!

Все. Клянемся! Клянемся! Исполним, Государь!

Петр (ненадолго приходя в себя). Ну, с Богом... Верю... Прощайте...

Картина четвертая

Звучит музыкальная тема «Поэт». Обоз экспедиции уже который месяц тянется по бесконечным и непролазным российским дорогам, приближаясь, наконец, к центру Сибири. Мюллер, Делакура и другие иностранцы едут на подводах, держась своей «привилегированной» кучкой. Впереди их, обогнав, шагают рядом с повозками Прончищев, Челюскин, Овцын, Ласиниус, Дамаскин. Рядом с Марией — жена Беринга Анна, они заняты каким-то своим женским разговором.

Появляется Поэт и начинает читать стихи.

Поэт.

Как огромна Россия,
А как она бедно одета:
Все солома на крышах
Да ветхие стены под ней.
И колесная песня
Плывет через пыльное лето,
Обратившись со снегом
В разбойничий посвист саней.

Сотню дней простучит
По ухабам лихая дорога,
Но однажды под вечер,
Когда комарье отгудит,
Вдруг вдали над рекой
Обозначатся башни острога,
И Дамаскин тихонько
Крестом этот вид осени'т.

Дамаскин. Никак добрались! Слава тебе, Господи! (Отходит в сторонку и начинает молиться.)

Овцын (вглядываясь вперед). И впрямь, град Тобольск показался.

Прончищев. Точно, добрались до сибирской столицы.

Мария. И сколь же мы верст от Питера-то отмерили?

Челюскин. Да тыщи три, пожалуй...

Мария. Ой, и велика же Россия наша матушка!..

Прончищев. Да, велика и неведома...

Анна. А до Якутска от Тобольска сколь верст осталось?

Челюскин. Думаю, поболее, чем до Питера, раза в полтора...

Анна. Да это ж помереть можно от тоски да ухабов!

Мария. Живы будем — не помрем, Аннушка! Доберемся и до Якутска.

Анна. И чего я в такую даль за бродягой своим потащила! Дал же Бог счастье!..

Сидела бы в Питере без забот... Да и не просто бы сидела, на куртаги бы во дворец хаживала...

Мария. Куда-куда хаживала?

Анна. На куртаги. Теперя так вечера званые у императрицы приказано называть. По-иноземному. Пишет сестрица, что каждую субботу и четверг Анна Иоанновна с обер-камергером Бироном куртагами их жалуют... Танцы, машкерады, вина заморские, сладости... А апосля непременно фейверк!.. *(Мечтательно)* Ах!.. Уж я бы там повеселилась...

Мария. И впрямь бы тебя во дворец пригласили?! К самой императрице?!

Анна. Пригласили бы! Я ж по мужу-то иноземка — «госпожа Беринг». А иноземцы теперь в большом фаворе... Одна беда — палить из ружья еще не обучилась...

Мария. А сие-то к чему?

Анна. Неужто не слыхала?! Да ноне у всех дворцовых дам фасон такой пошел!.. *(Снова мечтательно закатывая глаза).* Ах, куртаги...

Звучит музыкальная тема «Дворец — танец шутов», действие переносится в царскую резиденцию Анны Иоанновны.

Императрица стоит в ярко-голубом расшитом платье и красном платке на голове (любимый ее наряд) у раскрытого окна, в которое то и дело поглядывает с интересом, намного превышающим все, что происходит вокруг нее. У этого окна и соседних с ним стоит по несколько прислоненных ружей. Рядом с императрицей — Бирон, теперь уже не секретарь курляндской «помещицы», а всесильный фаворит, герцог и обер-камергер, закулисный властитель России, тем не менее, демонстрирующий в глазах императрицы свою влюбленность в нее, почтительность и покорность. У ног их крутятся, кривляются, танцуют шуты и шутихи. Придворные наигранными улыбками (улыбаться на куртагах велено всем!) изображают свое полное счастье и довольствие.

Придворный секретарь терпеливо стоит неподалеку от императрицы с серебряным подносом, на котором лежит какой-то документ. Выждав момент, он подсовывает поднос императрице.

Анна Иоанновна (недовольно беря документ). Ох уж мне энти дела бумажные... Опять Беринг! Сызнова чегой-то просит?.. Надоел уж...

Анна Иоанновна бросает вопросительный взгляд на Бирона, пытаясь понять его реакцию, но тут же вдруг отшвыривает письмо, кидается к окну, откуда доносится хрюканье дикого кабана. Императрица хватается стоящее возле окна ружье и куда-то палит. Отбрасывает ружье, хватается другое, снова стреляет. Все придворные замирают и ждут. Только один Бирон приказывает жестом секретарю поднять и подать ему письмо Беринга. Берет с подноса перо, быстро наносит какую-то резолюцию и жестом же отправляет секретаря с глаз долой.

Анна Иоанновна (довольно). Не ушел, не ушел кабанишка! *(Поворачивается к придворным)* Эх, как я иво!..

Зал тонет в аплодисментах и восторженный выкриках придворных: «Браво, ваше величество!» «Виват, ваше величество!» «Виват!» «Браво!». «С добычей, ваше величество!» *Шуты и шутихи ударяются в пляс, а все остальные, кроме Бирона, бросаются к окнам, чтобы увидеть добычу. Снова раздаются восторженные выкрики: «Какой огромный секач!» «Какой отменный!» «Матерый какой!» «Прямо в сердце!» «На бегу!» «Редкостный выстрел, ваше величество!»* Оставляя восторги придворным, не обращая на них внимания, гордая и счастливая Анна идет к своему возлюбленному Бирону.

Бирон (припадая к ее руке). Вы прелестны, ваше высочество!.. Вы прелестны!.. *(Шуты танцуют вокруг их пары, которая никак не может разжать руки.)*

Анна. Наконец-то! А то заладил: Беринг да Беринг...

Бирон. Виноват, Ваше Величество, виноват...

Действие вновь переносится к идущему по Сибири обозу экспедиции. К Марии и Анне подходят Прончищев, Челюскин и Овцын. Разговор женщин продолжается.

Анна. Сгубил мою молодость, сгубил...

Мария. Да ты что, Аннушка, разве можно так о суженом своем, о командоре нашем!

Анна (кивая в сторону Прончищева, Челюскина и Овцына). Это им он командор! А мне — камень на шее!

Прончищев. Ты, Анна, нашего Витуса Иваныча не брани, такова служба его государева. Он, поди, нас в Тобольске уже заждался.

Овцын. Перину тебе, небось, пуховую приготовил...

Анна. Как же, дождешься от него!..

Прончищев (оглядываясь). А где же господа наши иноземцы, опять приотстали?

Челюскин. Вон они, догоняют. Подождем малость.

Иноземцы подъезжая на особых повозках и, не желая слазить с них, разговаривают между собой.

Делакруа. Холод собачий! А нравы каковы?!

Миллер. Дикие. Отменно дикие.

Делакруа. Недаром у нас, в европах, говорят «Русь немытая»...

Прончищев (глядя в сторону иноземцев). Ишь, опять нас поносят... «Русь немытая»... Да кабы не служба российская, кем бы они у себя были?!

Овцын. Да никем! Поклониться им надо в пояс государю Петру, что пригрел...

Челюскин. Молода еще Россия, неискушенна в науках, но ничего, недолго осталось нас лаптями попрекать. Мужают птенцы Петровы. Мы вот в делах своих непростых ума набираемся. Лучшие вьюноши российские граниты наук грызут с прилежанием. Скоро будут и у нас свои Невтоны да Кеплеры. *(Обращается к Прончищеву и Овцыну.)* Вы о Михайле Ломоносове не слышали?

Прончищев. Да нет, а кто таков?

Челюскин. Ученик лучший Славяно-греческой академии, говорят, далеко пойдет!

Прончищев. Дай-то Бог. Россия на умы светлые всегда была щедра.

Овцын. Кабы им еще долю полегше...

Прончищев. Да мы и с этой долей, дай время, всех за пояс заткнем! *(Оборачивается к Челюскину.)* Так, Семен?

Челюскин. Так точно... Россия еще всех их *(показывает на иноземцев)* перепоеет...

Начинает звучать музыкальная тема «Россия», Прончищев, Челюскин, Овцын, Мария поют.

Ты моя страна,
Моя любовь,
Моя весна,

Ты моя земля,
Мои поля,
Мои тревоги.
И мне тебе служить,
С тобой одной,
Судьбою жить,
Чтобы рассказать свету:
Ничего нигде лучше нету,
Нету для меня красивей,
Нет милей моей Руси!

*Россия,
Родные вольные края,
Под небом синим
Отчизна юная моя -
Всея
Россия,
Твои золотые купола,
Россия,
Молю, чтоб вечно ты была!*

Ты моя судьба,
Моя душа,
Моя мольба.
Ты моя свеча,
Моя печаль,
Мои надежды.
И средь лихих штормов,
Чужих снегов,
Чужих богов
Я силен твоей силой,
Я силен твоей вечной верой,
И всегда с тобой буду первым,
Милая Россия моя!

В конце песни иноземцы невольно подтягиваются к лейтенантам, штурману и женщинам — куда им деваться от такой российской души и силы. Навстречу всем появляется Беринг.

Беринг (жене, радостно обнимая). Здравствуй, Аннушка, здравствуй, моя радость! Истосковался по тебе! А как ты, счастье мое?

Анна. Как видишь, пока жива.

Беринг. Ну, ничего-ничего, отдохнешь теперь вдоволь. (Командирам отряда и штурману.) И вы, други мои соратники, здравствуйте! Хотя вам отдых зимних не обещаю. Забот по экспедиции — тьма-тьмушая!.. Да дайте, дайте старому Берингу вас облобызать! (Прижимает всех к груди по очереди.) Приветствую вас в стольном сибирском граде Тобольске! Как добрались-то?

Прончищев. Хорошо добрались.

Овцын. Без приключений.

Лассиниус. Хотя не быстро, конечно...

Беринг (Лассиниусу). Сие тебе, мой дорогой земляк Петер, не наша Дания. Сие

Россия, да еще и Сибирь! Тут версты особые — каждая трех европейских стоит. Привыкай!.. *(Поворачивается к Прончищеву, жалуясь)* А в делах, прости Господи, все на нынешний манер: там не довели, там не додали, там воевода украл...

Прончищев. Нет на них Петра Алексеевича, воскрес бы на годок-другой...

Беринг (ностальгически). Он бы навел порядок... Да уж что теперь, будем к нынешней империи принаравливаться... *(Оборачивается к Миллеру.)* А как наш главный академик господин Миллер? Не растрясли свои ученые мозги на русских ухабах?

Миллер. Да нет. С положительным, смею заметить, комфортом прибыли. У нас и коляски особые, и повар европейский... Исследования уже в пути начали...

Делакруа. Хотя дика сия Сибирь безмерно...

Беринг (не слушая его). Хорошо, хорошо. Давайте все в город — и по квартирам... *(Обращается к Овцыну.)* А тебе, лейтенант Овцын, передохнуть не доведется. Надо нынче же по Иртышу вниз, на Обь сплавиться, пока река не замерзла.

Овцын. Я потому всех и торопил.

Беринг. В Березове зимовать будешь. А весной, как река вскрыется, станешь пробиваться морем Ледовитым из Оби в Енисей. А встреч тебе из Лены в Енисей лейтенант Прончищев пойдет. Там и увидитесь, коли Бог даст. Мы, все остальные, в Тобольске зиму переждем... А за то время в Якутске капитан Шпанберг корабли вам построить должен... *(Задумывается невесело о чем-то).*

Овцын. Гляжу я, господин командор, вы, будто, и не столь веселы гостям?..

Беринг. Да нет, не с того я. Сон ныне худой привиделся. Будто все мы во льды вмерзли. Живыми вмерзли. И солнце июльское льды сии никак растопить не может... Не дай бог...

Овцын. Не берите в голову, командор...

Беринг. Да рад бы не брать, только вот привиделась раз в Охотске пучина морская разверстая, а через неделю чудом в шторме не сгнули...

Овцын. Ну и теперь чудом во льды не вмерзнем...

Беринг. Ладно-ладно, забудь стариковскую мистику, у тебя других забот полон рот...

В этот момент мимо них проезжает пара бедных повозок, на которой под охраной сидит несколько бывших царедворцев Долгоруких, а рядом бредут только один несчастный слуга и кухарка. Среди ссыльных и красавица Екатерина Долгорукая.

Начинает звучать тема любви Овцына и Екатерины.

Овцын (застыв, пораженный Екатериной). А это... кто такие?.. Кто такая?..

Беринг (приостанавливаясь). Ссыльные князя Долгорукие. В твои края едут, в Березов. На место светлейшего князя Меншикова, царство ему небесное...

Овцын (не отрывая глаз от Екатерины). Так это она, Екатерина Алексеевна... царская...

Беринг. Да, та самая, бывшая невеста царская... Суженая упокоенного Императора Петра Второго... Не повезло...

Овцын. Какая красавица!.. Бедная...

Беринг. Ты это, Дмитрий... Сильно-то не заглядывайся, не забывай, что они с братом ее Иваном указом самой Анны Иоанновны сосланы... Поосторожней там с ними в Березове... Помни, что времена теперь иные, государыня императрица особый Приказ тайных дел учредила, да и помимо его у герцога Бирона свои уши везде есть... Скажет кто «Слово и дело» — и пожалуй на дыбу... Поостерегись...

Овцын (механически, не в силах отвести глаза от Екатерины). Конечно, конечно, господин командор... Непременно, поостерегусь...

Беринг догоняет остальных, а Овцын так и стоит, долго провожая взглядом повозки, увозящие его нежданную, внезапную и запретную любовь. С неба летят первые снежинки, засыпая следы исчезающих повозок. Овцын поет.

Любовь не выбирает места,
Любовь не выбирает дня.
Пусть нынче царская невеста,
Пусть ныне царская невеста,
Пусть ныне царская невеста
И не взглянула на меня.

Она мелькнула грустной птицей
И улетела в свой удел,
Но я за этот миг влюбиться,
Но я за этот миг влюбиться,
Но я за этот миг влюбиться
В нее без памяти успел.

Не обо мне она вздыхает,
Не мной болит ее душа.
Она в своей печали тает,
Она в своей печали тает,
Она в своей печали тает,
Но так безумно хороша.

Она сегодня будет сниться
Мне до рассвета вновь и вновь.
И вопреки всему помчится,
И вопреки всему помчится,
И вопреки всему помчится
Вослед за ней моя любовь.

Картина пятая

Звучит музыкальная тема Поэта, он появляется, начинает читать стихи, перемещая героев истории из Тобольска в Якутск.

Поэт.

В плен возьмет их зима,
Припугнет на Крещенье
 морозами,
Но едва лишь весна
Обозначит тропинку свою,
Снова сядут они
 на повозки,
Чтобы с первыми грозами
Оказаться на Лене,
В неведомом
 дальнем
 краю.
Там заждался их Шпанберг —
Свирепый служака
 из немцев.
Зуботычин и палок
Он в деле своем
 не жалел,

Но исполнил приказ,
Не подвел земляков-иноземцев,
И два судна надежных
Построить за зиму сумел.

На фоне ясного утреннего неба вычерчены силуэты Якутска — старинного города с деревянными крепостными башнями. На берегу Лены стоят три мощных листовенницы, разной высоты, к которым прибиты поперечные рей со скрученными парусами, от них к земле натянуты ванты и веревочные лестницы. У берега — два корабля с трапами, на которые матросы и грузчики загружают в мешках и бочках необходимые для дальнего похода припасы. Подошедшему Шпанбергу кажется, что дело идет недостаточно быстро.

Шпанберг (с немецким акцентом). Шнель! Шнель! Что за глупый русский мужик! Что за лениви якуцкий мужик! Шнель, шнель!

Зырянов. Стараемся жа, как можем, господин Шпанберг.

Зверев (негромко, но зло). Да не ори ты, глотка луженая!

Шпанберг. Молчать! Шнель! Быстрее! Если три часа пополудни весь груз не будет на карабль, — выпорю!

Шпанберг ненадолго исчезает. На берегу появляются Василий Прончищев, Семен Челюскин и гардемарин Иван Попов, они о чем-то говорят, показывая на корабль. Навстречу им выходит красавица-якутка и с особым любопытством бросает взгляд на Челюскина. Начинает звучать музыкальная тема «Шаманка».

Прончищев. Смотри, Семен, как на тебя красотка сия глянула... Ну и очи, колдовские прям!..

Челюскин. Да привиделось, небось...

Попов. На тебя, на тебя глянула, господин штурман.

Челюскин. И ты туда же гарде... (Встречается глазами с девушкой, пораженный ее взглядом.) А... кто... она... такова... будет?

Попов. Удаганка. Кудесница, по-вашему. Великая удаганка...

Прончищев. Я же говорил... (Крестится на всякий случай).

Челюскин. А как... как она прозывается?

Попов. Удаган-Куо, по-вашему, кудесница-красавица.

Челюскин (повторяя). Удаган-Куо...

Удаган-Куо (услышав издали, резко поворачиваясь к Челюскину и пронзая его взглядом). Ты меня позвал?

Челюскин (вздрагивая от неожиданности и невольно крестясь). Н-н-нет..

Удаган-Куо. Не надо меня бояться, Семен. Звезды Чолбон бойся. Посмотри ближе к ночи, как она пылает. А хочешь, вместе посмотрим...

Челюскин. Н-н-не знаю, как господин командор повелит...

Удаган-Куо (заливаясь смехом). А зачем нам командор?! Да, не ведала я, что ты такой робкий, Сенечка!.. (Резко поворачивается и тут же исчезает.)

Челюскин (крестясь). Свят-свят!

Прончищев (крестясь). Свят-свят!

Попов. Я же говорил — кудесница!

Челюскин. А звезда... Чолбон — что сие?

Попов. Венера по-вашему. Она к великим морозам полыхает... А ты ей приглянулся, господин штурман...

Челюскин. Кому, Венере?

Попов. Зачем Венере, Удаган-Куо приглянулся...

Прончищев (приходя в себя и обращая все со смехом в шутку). Так что засылай,

Семен, сватов подобра-поздорову, а то прилетит сия Куо ночью, закогтит и унесет!.. На звезду Чолбон... И заморозит!.. А девка-то хороша!.. И ты у нас жених завидный...

Челюскин. Да брось насмеяться! Не до девок мне теперь...

Вновь появляется Шпанберг и громко командует: «Гардемарин! Во фронт!» По его команде выскакивают несколько гардемаринов-якутов, не сразу, но выравниваются в строй, к ним подбегает и становится правофланговым Иван Попов. Звучит музыкальная тема «Гардемарины».

Шпанберг. Равняйся! Шнель! Шнель! Бистро! Слушай и запомни! Я учил вас целый зима, я делал из сухопутный крыс настоящий...

Гардемарин, последний в строю (подхватывая). ...мокрый курица!

Шпанберг (подбегая и отведывая ему оплеуху). Мокрый курица — ты, болван! А он (подходя к Попову и хлопая его по плечу) — гардемарин Иван Попов!

Попов. Так точно, господин капитан!

Шпанберг (Попову). Каков теперь дует ветер?

Попов (сунув в рот палец и подняв его). Зюйд-зюйд-вест!

Шпанберг (тыча Попова кулаком в грудь). Гут, гут!

Шпанберг (показывая на самое большое дерево и тыча в грудь второго гардемарины). Какой сие мачт?

Гардемарин. Грот-мачта!

Шпанберг (одобрительно). Гут, гут. (Хлопая по плечу третьего гардемарины и показывая на другое дерево). Какой мачт?

Гардемарин. Пок-мааста!

Шпанберг (давая оплеуху). Фок-мачт! Болван! Гут! (Давая оплеуху авансом последнему в строю, махнув рукой в сторону третьего дерева). Какой? Бистро! Шнель!

Гардемарин. Э-э... Писан-мааста, оннако.

Шпанберг. Бизань-мачт, мокрый курица! Гуд! (Дает команду всем гардемарины). Бистро на корабль. Шнель! Завтра утром ставить парус на настоящий мачт! Марш! (Отведывая вдогонку подзатыльник последнему) Мокрый курица! Я тебя сделаю настоящий моряк, болван!

Гардемарины бегут к кораблю. Сидящий поодаль Делакура тщательно высматривает в свою подозрительную трубу берег с кораблями и что-то записывает.

Действие перемещается в дом командора. За столом у самовара сидят Мария и Анна, о чем-то беседуют. Из-за окон продолжают доноситься грубые крики Шпанберга, адресованные теперь уже грузчикам: «Бистро, бистро! Шнель, инель, русски болван, якутски лентяй!»

Мария. Разошелся Мартын Петрович! Крут уж больно...

Анна. Да с нашей чернью так и надо...

Мария. Они тоже люди, Аннушка...

Анна. Нашла людей!.. (Переводя разговор на другую тему). Ну и дыра же сей Якуцк! Градом еще прозывается, а товаров галантных ни в одной лавке не сыщешь!

Мария. А ты видела, сколь купцов вчера на ярмарку по Лене приплыло. Говорят, еще столь же ждут. Все лавки товарами завялят.

Анна. Да надолго ли? Уплывут через месяц, и — все, пялься потом сызнава год цельный на пустые лари... Впрок-то не наберешься, это тебе не пушнина...

Мария. Разве то главное, Аннушка...

Анна. Знаю-знаю, опять начнешь про свое петь, мол, нету доли слаще, как за муженьком своим в любую глушь тащиться!

Мария. Так оно и есть, Аннушка. Да мне с моим Васенькой — рай в любом шалаше, в любых снегах и пустынях...

Анна. Тебя не переспоришь!

Мария. Да и не надо спорить... Ты помоги мне лучше... Попроси Витуса Ивановича своего по-домашнему, по-женски, вдруг тебе и не откажет...

Анна. А я уж решила, что Господь тебя надоумил от глупости сей отказаться. Видано ли дело!..

Мария. Своей волей, Аннушка, я ни в жизнь не откажусь! Попроси Витуса Ивановича...

Анна. Как же, станет он меня слушаться! Он на службе при всех добренький, а дома — тиран первейший...

В это момент без стука входит Беринг, до его слуха доносятся последние слова Анны.

Беринг. О каком-таким тиране судачите, голубушки?

Анна. Да о Шпанберге.

Мария. О нем.

Беринг (попадая на удочку). Тиран, не спорю. И на руку тяжел, и на слово бранное, да ведь дела-то делает! Посмотрите, какие корабли Василию и Петру выстроил! Красавцы! Завтра крестить будем. Первый «Якуцком» наречем, а второй — «Иркуцком», так порешили.

Мария. Славные имена...

Раздается стук в дверь, Беринг отвечает «Входите». Появляется Миллер, он чем-то возбужден. Женщины понимают, что сейчас у командора начнется совет, и начинают быстро собираться.

Беринг. Вот-вот, голубушки, прогуляйтесь по воздухам якуцким, а мы тут потолкуем... (*Обращается к Миллеру*). Никак вы озабочены чем, господин профессор?

Миллер. Не скрою, господин командор. Побывал я в архиве здешнем и был поражен, сколь великое число документов старинных хранится. И ни одного ученая рука не касалась. Там могут быть очень полезные для нас сведения!.. Я решительно этим займусь!..

Беринг (почти равнодушно). Занимайтесь, занимайтесь, а мне и иных дел достанет, нежели старье ворошить.

Миллер. Да какое ж сие старье?! Ценность научная...

Беринг (переключаясь на входящего с поклоном Ласиниуса). Проходи, проходи, Петр! Как дела, земляк мой разлюбезный, как твой бот? Обживаешь место капитанское?

Ласиниус. Бот хоть и невелик, но сработан крепко. Хороший бот.

Беринг. Небось, душа-то уже в поход рвется?

Ласиниус. Рвется.

Беринг. Только что-то нерадостен ты, голубчик. Али забота какая гнетет?..

Ласиниус. Не забота, тоска... Навалилась неведомо откуда... Предчувствие какое-то... И матушка вновь привидилась...

Начинает звучать музыкальная тема Ласиниуса, он поет, ностальгически глядя через окно на облака, плывущие по небу.

Облака плывут по небу,
По синему-синему небу.
Облака летят на Запад,
К любимой отчизне летят.
На века мое имя
Погрузится в снежную небель,
Никогда не прийти
Мне к родимому дому опять.

Облака плывут по небу,
Не нужен им парус белый,
Облака летят к любимым,
Не нужен им солнечный свет.
На века я останусь
Во тьме этой заледенелой,
На века потеряется мой
Неудачливый след.

Облака плывут...
Облака плывут по небу,
По синему-синему небу...

К концу песни подходят Прончищев, Челюскин, Дамаскин, но стараются сделать это незаметно, чтобы не мешать Ласиниусу. За ними входит Делакура, сделал вид, что расчувствован, неискренне обнимает Ласиниуса. После песни повисает грустная пауза.

Беринг (Ласиниусу). Ну, земляк, нагнал ты нам ипохондрии.

Ласиниус. Виноват, господин командор, не сдержался...

Беринг (обращаясь ко всем). Для хандры подобной причин у нас нынче нет! Корабли готовы, припасы загружены, команды собраны. Для усиления вам гардемарин из якуцких вьюнышей придаю. Шпанберг их за год отменно вымуштровал.

Прончищев (с улыбкой). Правда, ни единый из сих моряков моря в глаза не видывал...

Ласиниус. На корабли по трапу до сих пор с опаской входят.

Челюскин (тоже улыбаясь). А заместо мачт на деревьях учились, сказывают, все как есть облазили.

Прончищев. Не гардемарини, а чисто белки!

Беринг. А где им было учиться, пока корабли строились?! Хоть бы и на деревьях!.. Ничего, обвыкнутся. Зато языки и нравы местные знают. Пригодятся при случае... *(Обращаясь к Ласиниусу)* А ты, любезнейший земляк, гони тоску в три шея!..

Ласиниус. Так точно, господин командор!

Беринг. А чтоб способнее было раны целить душевные, забирай к себе Дамаскина.

Дамаскин. Как изволите, командор, послушание превыше молитвы...

Шпанберг (энергично врываясь в комнату). Приношу извинений, господин командор, мой опозданий! Этот ленивый русский мужик требует контроль и контроль! Что за дикий страна!..

Беринг. Проходи, Мартын Петрович, не бранись, охолопись, попей вон кваску брусничного... *(Ласиниусу, продолжая).* Путь у тебя, Петр, долгий будет *(показывает на карте)* — от Лены на ост до самой Колымы, а коли фортуна пожалует, то и до Америки. Дай Бог, там с тобой и свидимся. Я к Америке из Охотска будущим летом пойду. Мартын Петрович недели через две в Охотск переберется, два корабля для нас с Алексеем Чириковым заложит. *(Поворачивается к Прончищеву.)* А ты, Василий, как и говорили, из Лены в Енисей путь держать будешь. Там с Дмитрием Овцыным встретишься, если Бог даст. Сколь далеко придется на норд пробиваться, где лежит самая северная пядь Отечества нашего — никому не ведомо. Посему и даю тебе Челюскина, штурмана нашего лучшего. А в подштурманы гардемарина Попова забирай. Он родом с Оленека, где тебе на зимовку вставать, людей тамошних ведаст... *(Поворачиваясь к Миллеру).* Ну, а по научной части господин Миллер, полагаю, вас в свои кондиции посвятил...

Миллер. Посвятил, посвятил...

Делакруа (ехидно подхватывая). ...насколь служилые флота в науках естественных способны...

Прончищев. Да уж сообразим как-нибудь, при надобности.

Беринг. Итак, головы не теряйте, но и помните, что завещание Петра-батюшки и указ Анны Иоанновны исполнить мы должны пренебреженно! Помните, «Начатое должно быть свершено!» Отходить завтра от пристани при полном параде и пальбе пушечной троекратной! У меня все, с Богом! (*Замечая, что Прончищев и Челюскин мнутя на месте.*) Ну, что еще у вас? Выкладывайте!

Прончищев. Господин командор, я... Мы...

Челюскин. О Марии мы...

Беринг (не понимая). Что, о Марии?

Прончищев. Разрешите взять ее на корабль... Матросом...

Челюскин. Разрешите, господин командор...

Беринг (Прончищеву). А уставы морские тебе, лейтенант, ведомы?!

Прончищев. Ведомы...

Беринг. Нашел матроса! На военный корабль, в поход жену с собой взять! Ты в своем уме? А коли в Адмиралтействе прослышат?! Думаешь, по головке погладят?!

Шпанберг (недоуменно, а потом взрываясь). Шенцин на корабль?.. Каспадин, лейтенант, никак нельзя... Шенцин на корабль есть большой беда!.. О, майн гот! О, дикий Россия!.. Касподин командор!.. Никак нельзя!..

Беринг. А он прав, баба на корабле — плохая примета...

Челюскин. Не баба, а дворянка, супруга командирова...

Беринг. А ты-то что ратуешь, она тебе тоже там нужна?

Челюскин. Она всем нужна. Она в команде... каждому... заместо солнышка... Она...

Миллер. Как человек взглядов передовых, я бы поддержал, но... Стужа, грязь, матросня вокруг грубая...Нет, сие не по мне...

Ласиниус. Витус Иванович, уж позвольте им...

Дамаскин. Господь милостивый, простит сей грех...

Звучит музыка дуэта Прончищева и Челюскина, они поют, просительно глядя на Беринга.

Прончищев:

Звездной короной увенчана,
Вышита светом в окне —
Самая лучшая женщина
Богом подарена мне.
Самая-самая милая,
Ставшая верной женой,
Знаю, до самой могилы я
С нею пройду лишь одной.

Челюскин:

Самая лучшая женщина, —
Я подтвержу без прикрас.
Пусть она с другом повенчана,
Но как сестра и для нас.
В самых лихих испытаниях
Станет душою для всех,
Наши разделит дерзания,
Наши печали и смех.

Поют оба:

Самая светлая женщина
Будет над нами сиять.

Самую лучшую женщину
Мы не должны потерять!

Беринг (дослушав песню и неожиданно взрываясь). Нет! Нет! И чтоб более не слышал! Всем — шагом арш!

Оставшись один, Беринг не может успокоиться и начинает нервно ходить по комнате, повторяя раз за разом: «Придумали!.. Бабу на корабль!..» Отворяется дверь и потихоньку входит Мария, опустив голову.

Беринг (зло). Что, проситься пришла?

Мария. Пришла...

Беринг. Ты хоть понимаешь, куда ты просишься?

Мария. Понимаю...

Беринг. А тебе не передали, что я сказал твоим просителям?!

Мария. Передали...

Беринг. Разжалобить хочешь?

Мария. Сон хочу рассказать...

Беринг (с некоторым любопытством). Какой такой сон?

Мария. Привиделось мне, будто бы Василий с Семеном и с Петром Ласиниусом, и с Димочкой Овцыным во льды великие заморожены. Живые, а выйти изо льда не могут...

Беринг. И даже солнце июльское растопить сии льды не в силах!

Мария. Не в силах... А вам-то откуда ведомо?!.

Беринг (показывая на небо). Оттуда... Да рассказывай, рассказывай!..

Мария. И тогда спустилась с небес в сиянии великом Святая Мария Магдалина и молвила мне: «Аки я была спутницей Господа нашего Иисуса Христа, так и ты будь им спутницей, будь их Марией и растопи душой своей льды те великие...» И стали те льды таять помалу...

Беринг (неожиданно взрываясь). Нет! Сказал нет, и точка! И нечего мне тут сказки сочинять!.. Кру-у-гом! Шагом арш!

Мария со слезами выбегает на улицу. Беринг опять начинает мерить комнату шагами. Через какое-то время хватает колокольчик и звонит, вызывая одного из гардемаринов.

Беринг. Позвать лейтенанта Прончищева! Срочно!

Гардемарин. Так точно! *(Убегает).*

Прончищев (входя). Явился по вашему приказанию, господин командор!

Беринг (зло). Значится, раз сам не упросил, так ее ко мне прислал!

Прончищев. Никак нет, господин командор! Не посылал! Правы вы, нельзя против устава...

Беринг. Наконец-то дошло!

Прончищев. Так точно!

Беринг. Так вот, господин лейтенант, слушай мою команду...

Внезапно Беринг затихает и прислушивается. Звучит музыкальная тема Делакура и на ее фоне слова доноса.

Делакура. 30 июня 1735 года. Верный слуга Ваш, нижайше спешу донести Вашему Императорскому Величеству, что командор Беринг по лености своей и неспособности отправил ноне корабли в поход с промедлением и в ущерб мореплаванию российскому. А еще распорядился супротив уставу взять на корабль особу женска полу Марию — жену командира их Прончищева...

Беринг (тряся головой). Почудилось. Почудилось, будто глас чей-то недобрый... *(Махнув рукой.)* Да ладно! Время — в поход!

Начинает звучать музыкальная тема «Время в поход». Все поднимаются на корабли.

Прончищев. Всем наверх! Паруса ставить!

Ласиниус. Паруса к постановке изготовить! Марсовые к вантам!

Прончищев. Поднять паруса! Поднять флаг! На румпеле к повороту готовься!

Ласиниус. Поднять паруса! Право на борт!

Беринг. С Богом! Виват российскому флоту! Семь футов под килем!

Команды кораблей. Виват! Виват! Виват!

Корабли поднимают паруса и уходят под пушечный салют вниз по реке Лене. Беринг, его Анна, недовольный Шпанберг и осчастливленные столь необычным событием жители Якутска машут им вслед. Звучит песня.

Время зовет в поход,
Время трубит отход.
Манит звездой восход,
Пенится небосвод.
Парус, звеня, поет,
Рвется корабль вперед.
Славен петровский флот,
Как на Руси повелось!

Время нам поставить грот,
По волнам пойти вперед,
Время, друзья, распахнуть необъятную даль.
Знаем мы: нелегок путь,
Но назад не повернуть,
Время нас зовет в поход, как повелел государь!

Плещет в лицо вода,
Смотрит в глаза беда.
Море в сиянье льда,
Ярятся холода.
Только горит всегда,
В небе для нас звезда,
Русских надежд звезда,
Как на Руси повелось!

Пусть борта сжимают льды,
Пусть дымят от стужи рты,
Только, друзья, наша вера сильнее стихий.
Свой приказ исполним мы
Не страшась ни льдов, ни тьмы,
Имена, друзья, свои мы начертаем на карте России.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина шестая

Дубель-шлюп «Якуцк», чуть обогнав бот «Иркуцк», подходит все ближе к устью Лены. На мостике корабля — Семен Челюскин, рядом с ним — гардемарин Попов. Тут же стоит и Мария. Василий Прончищев отдыхает в командирской каюте после вахты.

Мария (вглядываясь в берег). Ой, Сенечка, никак сохатый бежит!

Челюскин. Он самый.

Попов. В местах сих, сказывают, их тьма...

Мария. А намедни медведя видала. Вывалил к берегу, здоровенный, черный, зыркнул — аж мурашки по спине. Забоялась прямь...

Челюскин. Ну, на корабле да с нашим воинством бояться тебе нечего... Нам бы мели миновать, да с течью в трюме управиться...

Мария, Ничего, Сенечка, все сладится... *(Неожиданно, всплескивая в ладони и показывая куда-то вперед).* Ой, смотрите! Смотрите!

Челюскин (глядя по курсу и ничего не понимая). Что?.. Где?

Попов (тоже не может понять). Где?

Мария. Да не на реке, а в небе! Вон там, там! Птицы! Да какие прекрасные!..

Челюскин. Журавли будто бы, но почему-то белые?..

Мария. В жизни таких не видывала!

Попов. Это стерхи, белые журавли. Редкие очень птицы. Я их тоже лишь единожды видал, в детстве, в тундре северной.

Поравнявшись с кораблем, стая белоснежных журавлей-стерхов начинает кружиться над «Якуцком», будто приветствуя его и прощаясь одновременно. Мария поет композицию «Стерхи».

Ты посмотри, какие птицы,
Птицы, птицы.
Ты посмотри, какие птицы
В небе летят.
Нельзя, мой милый, не влюбиться
В чудо-птицу.
С ней нельзя не возвратиться,
С ней нельзя не возвратиться
Назад.

Вы поглядите на них:
Ну что за чудо, что за прелесть!
Вы поглядите на них,
На этих крыл волшебный шелест.
Какие птицы,
Как будто ангелы по небу,
Как будто светлые по небу
В Россию летят!

Челюскин. Красивые птицы...

Попов (Челюскину). У нас, якутов, считается, господин штурман, что увидеть стерхов, а особливо их танец, доводится только самым счастливых людям. Хороший знак небеса подали...

Мария. Дай Бог, они и нам счастья принесут!

Но один из стерхов, разрушая идиллию, вдруг пикирует к кораблю и начинает кружиться и кричать по-особому тревожно.

Челюскин (глядя на стерха). Чем же мы его так встревожили? Никак парусов наших испугался?..

Мария. Да нет... Будто сказать чего хочет, предупредить...

Попов. Говорят, удаганки самые красивые в стерхов обращаются. Дабы помочь кому...

Мария (Челюскину, полушутя). Уж не твоя ли кудесница Куо нас остерегает?...

Челюскин (смущаясь). Скажешь тоже... Какая она моя!.. Ну, увидела птица чудище экое под парусами-крыльями да и встревожилась за стаю свою...

В это время под мостик выскакивает несколько пьяных матросов с топорами в руках, главный из них — Зверев. Матросы начинают зло, с руганью рубить днище корабля и такелаж.

Мария (испуганно). Ой, Семен, Сенечка! Василий!..

Зверев. Так его, так! Шпангоут руби! Не уйдет, стерва!

Матросы. Круши его! В щепки кроши! Бей, братовья! Один конец! Бей! Круши!

Челюскин (оценив ситуацию, кричит Попову). Брасопь парус! Бросай якорь! (Марии). Держи штурвал!

Иван Попов бросается к мачте спешно убирать парус, через какое-то время гремит уходящая в воду якорная цепь. Сам Челюскин хватается за два пистолета и бежит вниз, но, опережая его, к пьяным матросам уже бегут Прончищев со шпагой в руках, Зырянов и еще несколько матросов с веслами и баграми. Зверев замахивается на Прончищева топором, но тот ранит его шпагой в руку, топор падает на палубу. Подбежавший Челюскин наставляет пистолеты на бунтарей. Остановив корабль и забежав в оружейную камеру за парой фузей, к командирам присоединяется Попов. Одну из фузей он передает Зырянову. Потрясенная Мария смотрит за всеми ними с мостика, продолжая инстинктивно сжимать штурвал.

Челюскин. Стой! Застрелю, псы паршивые!

На мгновение друг против друга застывают две группы озлобленных людей.

Прончищев. Брось топоры!

Пьяные матросы нехотя подчиняются. Сразу не сдается лишь один Зверев, хотя он и ранен, по правой руке его течет кровь, а к шее приставлена шпага Прончищева.

Зверев (Челюскину). Че не стреляешь, штурман?! Стреляй! (Прончищеву) Или ты коли, один хрен через твою бабу всем погибель! Лучше уж разом сдохнуть!

Прончищев. Да я тебя, стервеца!..

Зверев. Вона, «Иркуцку» — хоть бы што! А мы уж три раз на мель напоролися, о скалу Аграфенину едва не разбились! Моря еще и не видать, а уже полон трюм воды! Успевай откачивай день и ночь! А все через бабу твою, гори она огнем! Ведьма проклятая!

Прончищев. Да я тебя за сии слова не просто заколю — на мачте повешу!

Зверев. Вешай, не боюсь!

Челюскин. Едва корабль не сгубили, сволочи!

Бунтовщики (уже не столь агрессивно). Все едино — погибель...

Зырянов (бунтовщикам, из-за спины Челюскина). Потопли бы через их все... Душегубы...

Зверев. Кому подпеваешь...

Прончищев. Молчать!

Челюскин (Звереву). И кто тебя таким уродил! Не зря Зверевым прозываешься...

Зырянов. Вот и скинуть его к зверью на берег... На командира руку поднял...

Прончищев (успокаиваясь, опустив шпагу). Вахте — по местам. Попову к штурвалу. Якорь поднять. Поставить парус. Курс прежний. (Выдержав паузу) Зырянов, Степанов, Слепцов!

Матросы (откликаясь один за другим). Я, я, я!

Прончищев. Бунтовщиков — под караул в кормовой трюм!

Зырянов. Есть! (Выполняя с другими матросами приказ, уводит под фузеями бунтовщиков).

Все расходятся, остаются Прончищев, Челюскин и подошедшая к ним Мария, которая уступила штурвал Попову.

Прончищев. Что делать будем? Один выход — ссадить на берег. Хотя бы главных зачинщиков... Не вешать же их...

Челюскин. Да, оставишь на корабле — смуту станут сеять... Только далее на берегу-то никакого жилья уже не будет... До Якуцка отсель верст девятьсот, до села ближнего при реке — верст четыреста...

Прончищев. Вот пусть и идут в Якуцк по берегу...

Челюскин. Вряд ли дойдут... Тем паче, зима на носу... *(Вздыхнув)* А ведь люди все же, через всю Россию с нами бок о бок прошли... И как сдурели разом... Жалко...

Прончищев. А коли бы корабль погубили!.. А коли бы меня али тебя топором!.. Не жалко?! Ничего, жить захотят — дойдут...

Мария (осторожно вступая в разговор). Вася... Да ведь на берегу же погибель им верная — зверье, болота... Хоть и бунтари...

Прончищев (не сдержавшись). А ты, Мария, не в свои дела не лезь!.. И так из-за тебя вся каша заварилась...

Мария. Спасибо на добром слове... *(Поворачивается и уходит).*

Челюскин (Прончищеву). Зачем ты ее так, Василий...

Прончищев. Не хотел, сорвалось... А ссадить их таки придется... Другого выхода нет...

Челюскин. Ну, смотри, ты командир, тебе и решать...

Прончищев (командует). Бунтовщиков — ко мне! *(Винных выводят на палубу под ружьем).* Слушай приказ! За учинение бунта, за порчу корабля, неистовые и нерегулярные слова матросов Степана Зверева, Семена Кривина, Луку Зайцева, Фому Оглоблина списать на берег, дабы они своим ходом шли до Якуцка, где явились с рапортом к командору Берингу!.. Ясно?

Бунтовщики (сломлено). Ясно, господин лейтенант.

Зверев (угрюмо). Может, хоть фузею дашь, командир? Али на прямую погибель шлешь?

Прончищев. Фузею одну получишь. И припас огневой получишь. *(Командует)* Боцману — выдать фузею, порох и одежду зимнюю. Вахта! Вельбот — на воду!

Протрезвевшие бунтовщики понуро топчутся на месте, ожидая посадки в лодку. В этот момент выходит Мария. Она в походной одежде, держит в руке сундучок.

Прончищев. А сей машкерад что значит?! Ты куда собралась?!

Мария. На берег. Коли из-за меня все случилось, мне с ними и отвечать...

Челюскин. Ты что, голубушка!..

Прончищев. Ты это брось! Мы тут не в игрушки играем!

Мария. А ты на меня не кричи! Я не твой матрос, я столбовая дворянка!

Челюскин (Марии). Успокойся, голубушка, успокойся...

Прончищев. Взял на свою голову... Прав был Беринг...

Мария. А коли так — тем паче... *(Направляется к вельботу).*

Челюскин (пытаясь ее задержать). Постой, постой, ты куда?! Василий... охоло- нись!.. Да вы что, опомнитесь...

Прончищев (матросам, зло). Чего глаза-то лупите?! Черт бы вас всех побрал!.. *(Сделав над собою усилие).* Отставить приказ! Поднять вельбот! Бунтовщиков в трюм на хлеб и воду!.. Выпороть бы всех хорошенько, да руки марасть не хочется!..

Бунтовщики (радостно, кроме Зверева). Есть в трюм на хлеб и воду!

Зверев (в сторону). Благодетельница сыскалась... *(Замолкает, получив тычок в бок от своих друзей).*

Матросов уводят, Мария, плача, возвращается в каюту.

Прончищев (Челюскину). Случаю сему, Семен, в журнале описания не давай. Не ровен час, дойдет до Петербурга...

Челюскин. Ясное дело...

Но едва они произносят последние слова, как раздаются звуки музыкальной темы Делакура. Он вдохновенно пишет донос, повторяя его вслух.

Делакура. «Сим посланием тороплюсь известить Вас, Ваше Превосходительство господин герцог, что 3 августа сего 1735 года на корабле «Якуцк» приключился бунт нижних чинов...»

И тут же начинает звучать музыкальная тема «Дворец — танец шутов», действие переносится в покои Анны Иоанновны, где она сидит рядышком с Бироном. Большая любительница сплетен и пикантных новостей, императрица получает от подобных писем истинное удовольствие, это не скучные документы и указы.

Анна Иоанновна (Бирону). Читай, читай далее!..

Бирон (читает донос). «Причиной сему бунту стала взятая на корабль противу уставу и воли озлобившихся нижних чинов жена командира их Прончищева. Бунт сей за малым не кончился гибелью корабля Ея Императорского Величества и отряда всего. А виновен в том Беринг и Прончищев, и Челюскин с ними, кои требуют наказания примерного...»

Анна Иоанновна. Ну, девка, учудила! Бой-баба, видать, коли на устав наплевала да не испужалась с полусотней мужиков в море студеное махнуть! И палит из ружья, поди, отменно... Ты вот что, Ернест, как сия затейница из Сибири вернется, сей же час ее ко мне призови. Коли говорливой да веселой окажется — пожалуй в шутихи, пусть потешные бунты с моими шутами устраивает, а коли не приглянется — сошлю в монастырь.

Бирон. А с Берингом что делать станем?

Анна Иоанновна (поднимаясь и направляясь к выходу). Да ты уж сам реши, приготовь указец. Не до Беринга мне теперя, завтра на куртаге машкерад назначен, а я все никак наряд не выберу...

Картина седьмая

Звучит музыкальная тема Поэта, он появляется, читает первую страницу морского вахтенный журнала корабля «Якуцк», а затем свои стихи.

Поэт. «Журнал морской дубель-шлюпа «Якуцк»... Запись первая. «8 августа 1735 года. Увидели в четыре часа пополудни бот «Иркуцк» лейтенанта Ласиниуса за мысом в последний раз. Распустили фок и пошли в путь свой морем...»

Разлучились они:
На восток устремился датчанин,
А Василий с Семеном
На запад свой шлюп повели.
После рек и дорог,
Наконец-то, их всех закачали
Океанские волны.
И вновь паруса понесли
Белоснежными
Крыльями...

На вахтенном мостике стоит за штурвалом Семен Челюскин, возле него — Иван Попов, который явно не в восторге от первых миль плавания по океану.

Челюскин (довольный тем, что наконец-то вырвался в море). Хо-ро-шо!.. А как тебе, братец, морской поход?

Попов. Страшновато, однако... Берегов нет... И волны такие большие...

Челюскин. Да ты что, разве это волны! Это так себе. А что берегов не видать, так только меньше опасностей. Дальше в море — меньше горя... Как у друзей твоих дела, болезнь морская не свалила?

Попов. Маленько есть... Лежат... Непривычные мы, якуты, однако, к морям-то... Один я держусь...

Челюскин. Молодец, быть тебе первым якутским капитаном. *(Смотрит на побледневшего гардемарина).* Ступай-ка, попей рассолу, либо соленого чего пожуй — помогает. Приучать себя надобно.

Попов. Слушаюсь, господин штурман.

Челюскин (увидев поднимающуюся на мостик Марию). А вот и хозяйюшка к нам пожаловала. Не укачивает, голубушка?

Мария. Нет, Господь от сего недуга миловал, видно знал, что замуж пойду за моряка... Можно, постою тут с тобой немного, воздухом морским подышу, закатом полюбуюсь?..

Челюскин. Конечно. Только рад буду. *(Невольно вздыхает).*

Мария. А что вдруг загрустил, Сенечка?

Челюскин. Да о своем задумался... Не обращай внимания... *(Пытается изобразить невольно утраченное хорошее настроение)* Я вполне доволен и счастлив даже... В море же вышли, наконец!..

Начинает звучать музыкальная тема дуэта Челюскина и Марии. Челюскин поет о своей тайне мысленно, мысленно же, может, уже о чем-то догадываясь, ему отвечает Мария.

Как же такое
Чудо случилось,
Ты предо мною
Вдруг появилась?
Тайны мечтаний
Ты воплотила,
Но только друга
Ты полюбила...
Вдруг покачнулся
Свет этот белый
Что же мне делать,
Что же мне делать?!

Только другу погубить
Не посмею счастье я.
Должен я тебя забыть,
Первая любовь моя.
Как пылает жарко кровь,
Как сжимает сердце боль!
Только ты, моя любовь,
Знать об этом не изволь!

Мария:

Как на закате
Тучи пылают,
Тучи, наверно,
Все понимают.

Тучи все ниже
Небо качают,
Я замечаю,
Как ты печален.
Но перед Богом
Мужья жена я,
И только мужу
Буду верна я.

Я на свете никого,
Как его, не полюблю,
Мне не надо ничего,
Об одном я лишь молю:
Как бы в самый горький час
Нас Господь ни позабыл,
Лишь бы только с милым нас
Никогда не разлучил.

К концу песни на мостик начинает подниматься Василий, останавливается, любясь женой, подходит к ней, ласково прижимает к себе. Следом за ним на мостик потихоньку возвращается гардемарин Попов, становится чуть в сторонке, не мешая командирам.

Прончищев. Что-то, гляжу, вы тут в печали ударились...

Челюскин. Да вот навеяло ветром, матушку вспомнил... Как-то она там теперь?..

Прончищев. Не скоро о том узнаем...

Мария (вздыхнув). Вон лебеди опять полетели, матушкам нашим приветы понесли. Хорошо птицам: пожелали, взмахнули крылами — и на юг, к солнышку, к теплу...

Прончищев. Коли потянули на юг стаи, значит, зима на носу. Как бы не приморозило.

Челюскин. Видно, права была кудесница Куо со своей Венерой...

Попов. Удаганки все наперед знают...

Прончищев. А по мне — так один Господь ведает... *(Повернувшись к Марии).* А ты никак по дому да теплу заскучала?

Мария. Что ты, Васенька! Коли и заскучала, то малость самую. Как же мне с тобой рядом скучать. Ты и тепло мое, и солнышко. *(Приникая к нему)* В разлуке я бы не выжила...

Прончищев (шутливо). А хотела от меня в Якуцк пешком уйти...

Мария. Чтоб не обижал, чтоб любил больше... *(Прижимается к Василию).*

Челюскин (меняя тему разговора). До реки Оленека, думаю, дойти успеем. Пятьдесят миль осталось. А там можно и на зимовку стать. Сейчас бы ветра способного, да посвежее!

Прончищев. Кажись, поднимается ветерок... А я бы и шторму был рад — соскучился по настоящему морю. Да и лед бы волной побило.

Челюскин (азартно). А я тоже, еще с гардемарин, на добром корабле хорошую волну люблю! Наш русский шторм!

Попов (робко). А не страшно, коли девять баллов?..

Прончищев. Штормов бояться — в море не ходить, гардемарин!

На корабль и впрямь наваливаются один за другим несколько мощных шквалов, одновременно начинает звучать «Ода шторму» — эдакий гимн русскому азарту в борьбе со стихией. Вся команда поет и танцует, наплевав на опасность.

Солона от Борея банька,
Волны с ревом летят из тьмы.
Наша корабль — как ванька-встанька.
Устоим вместе с ним и мы.

Нас по жизни не так мотало,
Наше время — сплошной аврал.
Восемь баллов для русских мало,
Где там русский девятый балл?!

От воды ледяной тельняшка
Нелюбимой к груди прильнет,
Но спасет, обогреет фляжка
И назад к парусам вернет.

Пусть синеют от шкотов руки,
Пусть белеет от соли рот,
Но не выдадут в битве други,
Но не лопнет в сраженье грот.

Пусть же маты по-русски реют
Альбатросами в вышине,
Нам по жизни висеть на рее,
Ну а значит, не быть на дне.

Как бы шквалами ни мотало,
Как бы с бурями ни везло,
«Восемь баллов для русских мало!» —
Мы поем всем чертям назло.

Корабль, зарываясь в волны, идет на запад и успеваает пройти в устье реки Оленек до морозов, сковавших Ледовитое море.

Картина восьмая

Звучит музыкальная тема Поэта. Появляется Поэт и читает журнал дубель-шлюпа «Якуцк».

Поэт. Из журнала дубель-шлюпа «Якуцк». «Сего наступившего 1736 генваря, при реке Оленеке, при дубель-шлюпе в караульном доме жили и случаи записывали. Пополночи мороз великий, небо чисто, сияние луны и звезд и были от веста кометы великие и ходили по небу всю ночь...»

Бесхитростная спартанская обстановка избушки-зимовья. Самодельный сколоченный стол, скамейки. Мерцает отблеском огня железная печурка. За окошком полыхает полярное сияние. На столе горит несколько свечей, разложены судовые журналы, недочерченная карта, над которой склонился с пером Семен Челюскин. Напротив сидит Мария, дошивая меховую рукавицу. Начинает звучать музыкальная тема дуэта Челюскина и Марии.

Челюскин (не скрывая удовольствия от своей работы над картой). А ведь мы, голубушка, кое-чего уже свершили. Свершили. Хоть малую толку окраины российской, да все же очертили. Теперь от Лены до Оленека полное описание есть — и фар-

ватера, и берегов, и бухты Оленецкой, и островов Крестьяцких и прочих. Карта-то не хуже английских получается. Скажут потомки нам спасибо, скажут...

Мария. Непременно скажут, Сенечка! И тебе, и Василию, и прочим служивым...

Челюскин. И тебе, голубушка...

Мария. А мне-то за что? За то, что от мужиного мундира даже уставом оторвать не сумели, что заместо балласта на шлюпе была? За то?

Челюскин. Да что ты, какой же ты нам балласт?! Ты же радость наша единственная в снегах и лишениях сих. Поглядишь на тебя — и душа оттаивает. Весь порядок в зимовье на тебе держится — и кухарничаешь, и шьешь... Поди, непросто дворянке в лишениях-то таких, в скудости... Да геройство твое поболее нашего будет...

Мария (смуцено). Да ну тебя, Сенечка, не конфуз. Героиня — щи варить научилась... *(Откладывает шитье, подходит к печурке и мешает варево в котле).*

Челюскин. Да я бы таким, как ты, памятники в столицах ставил... И поставлю, только не в граде Петра, а на окраине российской. Хочешь, прямо сейчас *(склоняется над картой)* сей остров безымянный именем твоим нареку?

Мария. Что ты, Сенечка, не надо! Не пристало по уставу морскому в честь жен капитанских островам имена давать.

Челюскин. Не пристало... А я все одно нареку!..

Распахивается дверь зимовья, входит Василий Прончищев. В избушку врываются всполохи полярного сияния. Василий с мороза, озяб, но выглядит бодро. Проходит к печурке, протягивает к ней руки. Звучит музыкальная тема дуэта Прончищева и Челюскина о Марии «Самая лучшая женщина».

Прончищев. Чего это ты там нарекать собрался? В чью честь?

Челюскин (несколько смуцаясь). Да вот, в честь жены твоей... остров...

Прончищев (весело). Как командир я не против, да утвердит ли Адмиралтейство...

Челюскин. Вот и мы про то вспомнили. А кабы воля моя, да еще крылов за спиной пару, так я бы не только до самой дальней окраины долетел, но и до небес высоких. Отыскал бы там созвездие новое и в твою честь, голубушка, нарек бы!

Мария. Ну, Сенечка, опять меня конфузишь, уж больно щедр ты нынче на подарки... Да только зачем мне на небе созвездие, когда оно на земле у меня есть: Василий, ты, Димушка Овцын, командор наш разлюбезный... Один другого достойнее. Промеж вас я только и свечусь...

Прончищев (Марии). А ноне на небе такие кометы огромные бродят, в жизни не видывал... И сияние...

Мария. Ой, пойду погляжу. *(Торопливо выходит).*

Прончищев (Челюскину). Промеж нами, ей не к чему пока знать. Цынготная болезнь у матросов появилась, десны пухнуть стали, дух падает, речи нерегулярные слышатся. Иван Зверев с дружками опять воду мутит, недовольных вокруг сбивает. Может, плетями его поучить?..

Челюскин. Только озлобится. Уразумить надо, исправить...

Прончищев. Горбатого могила исправит. Ну да ладно, погодим с плетями... Чем с цынгой бороться будем? Беринг говорил, капустой квашеной либо ягодой спастись можно, да где их теперь взять?

Мария возвращается в зимовье. Она не одна — следом входит гардемарин Попов и вносит какой-то мешок, а за ним, неожиданно для Челюскина и Прончищева — Удаган-Куо. Начинает звучать музыкальная тема «Шаманка».

Мария. Гляньте-ка, кого я вам привела! Красавицу снежную!..

Прончищев (от неожиданности). Вот так гостя!

Челюскин (изумленно). Откуда?.. Как?..

Удаган-Куо (лукаво). С неба! На крыльях спустилась! *(Смеется).* Небось, опять

со страху креститься начнешь. Не надо... На оленях я приехала. На обыкновенных оленях. Соскучилась, вот и решила проведать... На тебя, Сенечка, посмотреть... *(Смеется, видя смущение Челюскина)*. Да и родичи мои тут неподалеку кочуют...

Попов. А с нее станется, может и на крыльях прилететь... Помните того стерха?..

Мария. Да неужто той птицей ты была?

Челюскин. Неужель?

Удаган-Куо (загадочно). Может, я, а может, и не я... *(Переводя разговор на другую тему)*. А на небе ноне сияние такое...

Мария, И впрямь сияние необыкновенное! И звезды падают! И кометы, кометы! Настоящий праздник! А тут еще и гости дорогие! *(Челюскину)*. Ну-ка, Семен, убирай свои карты, на стол накрывать буду...

Прончищев (приглашая Удаган-Куо). Проходи, кудесница, проходи, красавица. И ты, гардемарин...

Попов (выставляя мешок). А мы с гостинцем. Вот, рыбу принесли мерзлую. Удаган-Куо привезла. *(Достаёт одну рыбку и показывает Прончищеву)*. Надо ножом строгать и есть.

Мария. Сырую?

Удаган-Куо. Сырую. Только от сырой рыбы сынга-хвороба уходит... О том все наши родичи ведают...

Прончищев. А откуда им-то про цингу знамо?

Попов. Они же испокон веков в тундре живут, ведают, чем от ее напастей спастись...

Челюскин. А мы-то с Василием кумекали, как от цинги спасение искать...

Попов. Вот вам и спасение.

Прончищев. Ну, спасибо за помощь, красавица. Давай к столу. Мария, выдай-ка нам по чарке командирской...

Все садятся за стол. Хозяева сначала едва надкусывают строганину с опаской, а потом, распробовав, наваливаются на необычную еду. Блюдо быстро пустеет.

Мария. А теперь и погадать можно, крещение же ноне... *(Снимает с руки кольцо и хочет опустить его в стакан с водой)*.

Удаган-Куо. А я тоже гадать умею. Только по-своему...

Мария. Это как же?

Удаган-Куо. Как дед научил. Он шибко большой шаман был. Ну, кудесник, по-вашему. И мне кое-чего передал. Как хвори лечить, зверей и птиц слушать, на бубне летать...

Мария (полушутя). Так, может, слетаешь к Димушке Овцыну в Березов, узнаешь, как у него дела?

Удаган-Куо (отвечая вполне серьезно). Можно и слетать... Да только лучше мы на них отсюда посмотрим... Все как есть увидим... *(Выходит за чем-то на улицу)*.

Мария. Неужто и впрямь увидим?

Попов. Удаганки зря словами не бросаются.

Прончищев. Эх, в 18 веке живем, в просвещенном, а в чудеса да гадания все верим. Петр Алексеич еще двадцать лет назад велел сии мистерии запретить...

Челюскин. А перед смертью, сказывают, сам призвал якутских шаманов?

Мария. И что они?

Удаган-Куо (входя в зимовье с бубном в руках). Доехать не успели, а то бы непременно исцелили царя-батюшку.

Мария. А ты откуда знаешь?

Куо. Мой дедушка среди них был. Вот с сим бубном...

Она начинает негромко бить в бубен и что-то напевать. Через какое-то время в зимовье начинается сияние, а потом возникает картина Березова. Зачарованные и

онемевшие от удивления Мария, Прончищев, Челюскин и Попов видят, как счастливый Дмитрий Овцын танцует «Лунный вальс» с Екатериной Долгорукой, которая уже влюблена в него.

Прончищев (приходя в себя после исчезнувшей картины, восхищенно глядя на шаманку). Да ты и впрямь настоящая кудесница!

Мария. Волшебница!..

Челюскин. Вот тебе и просвещенный век!..

Удаган-Куо (скромно потупив взор). Тут моей заслуги нету... Природа...

Прончищев. Ничего себе природа!.. Что ж ты в Якуцке-то об этом не сказывала?!...

Куо. Нельзя об этом всуе говорить, дар потерять можно. Да и не во всякий день он ко мне приходит, не в любом месте. Здесь моя земля, деда моего могила, потому все и получилось...

Прончищев. А Дмитрий, знать, прошел из Оби в Енисей! Прошел!

Челюскин. Но перед Екатериной не устоял, влюбился...

Мария. Ах, Дима-Димушка, голова отчаянная!..

Прончищев. Главное, жив-здоров и приказ выполнил! Молодец! Давай за него по чарке!

Куо. Только рядом с ним человек какой-то в черном... Худой шибко человек...

Прончищев. Ничего, Бог не выдаст — свинья не съест! За успех лейтенанта Овцына и фортуны всей экспедиции нашей!

Челюскин. За батюшку Петра Великого и замыслы его великие!

Начинает звучать музыкальная тема Поэта. В зимовье продолжается негромкий пир, в отдалении танцуют и о чем-то влюблено воркуют Дмитрий Овцын и Екатерина Долгорукая. Появляется Поэт и начинает читать свои стихи.

Поэт.

Впрямь, не выстоит Овцын
И влюбится в Екатерину,
И к опальным князьям,
Безо всяких причин зачастит...
Защитит Ее честь...
Но, как камень невидимый в спину,
На него в Петербург
От мерзавца донос полетит.

Самым первым из всех
Он исполнит Петрово задание
Из Оби в Енисей
Свой корабль проведет среди льдов.
И вернется в Березов.
И к Ней поспешит на свиданье.
И закружатся в танце
Удача его и любовь!
Он дела довершит,
Он составит все карты, как надо,
И помчится в столицу,
Победой своей окрылен...
Но еще до столицы
Настигнет героя «награда»:
Будет он арестован.
И пытан.
И порот кнутом...

Звучит реквием. Прекрасное видение Овцына и Екатерины исчезают, вместо них возникает пыточная камера с Овцыным на дыбе и рыдающая Екатерина, которую насильно постригают в монахини, обрезая ее прекрасные волосы. Но сидящие в зимовье этого не видят, продолжая радоваться за Овцына и вновь обращаться к удаганке. Начинает звучать тема Ласиниуса.

Челюскин. А у Петра Ласиниуса как дела? Как и где «Иркуцк» его зимует?

Удаган-Куо (делая свои шаманские насы). Поглядим сейчас...

Прончищев. «Иркуцк»-то, наверное, далече на ост забрался, все-таки теплу на встречу шел...

Челюскин (подхватывая). Уж точно, подальше от Лены, чем мы, ушел...

Появляется Поэт и начинает читать стихи, как бы отвечая на предположения Прончищева и Челюскина и озвучивая видение шаманки. А видение это ужасно. В зимовье вповалку лежат сваленные цингой люди. В воздухе витает смерть. Иеромонах Дамаскин, который сам едва держится на ногах, соборует умирающего лейтенанта.

Поэт.

Он уйдет недалече,
Туманом тяжелым накрытый.
И «за снегом великим
И ветром противным» замрет.
И у малой речушки,
Судьбою и Богом забытый,
Вмерзнет накрепко грудью
В зеленый безжалостный лед.

И поникнет датчанин,
Цингою свирепой скорежен,
И священник Дамаскин
Отпустит ему это грех.
И поднимется крест
Из пропитанных солью валежин
И, как черная птица,
Крылами обхватит их всех...

Челюскин. Ну, как там Петр?

Мария. Как Дамаскин?

Удаган-Куо (не решаясь стать черным вестником и сказать всю правду). Помощь им нужна! И поскорее!

Прончищев. Завтра же утром отправлю! А что с ними?.. Где они?

Удаган-Куо (быстро поднимаясь и выходя). В Хараулахе они. Недалеко от Лены. Плохи их дела...

Все встревожено поднимаются и глядят вслед неожиданно ушедшей шаманке и побежавшему за ней следом гардемарину.

Картина девятая

Дом Беринга в Якутске. Анна, довольно пересчитывая, укладывает в сундук собольные шкуры.

Анна. Радость моя, собольки мои отборные!.. Тут-то они по рублю стоят, а в Питере каждый рублев за двадцать, а то и боле уйдет! Только поскорей бы отсюда вырваться. Поскорей бы экспедиция закончилась...

В комнату входит Беринг, он в хорошем настроении в предвкушении обеда. Обнимает жену, целует в щечку.

Беринг. Опять соболей своих пересчитываешь. Который сундук уже набила...

Анна. Всего-то третий! У других поболее будет... (*Видя, что муж в хорошем расположении духа, пытается этим воспользоваться.*) А можно я, Витуся, из казны экспедиционной сто рублей возьму. На меха, пока цены держатся...

Беринг. Да ты что, это ж государевы деньги! А вдруг проверка...

Анна. Но мы ж вернем. Пришлют тебе жалованье — и вернем. Ну, Витуся!.. Позволь...

Беринг. Ладно, бери, но только назад потом вложи!

Анна (довольно). Непременно, Витуся... (*Целует его.*) Сейчас обед подам, пиво твое любимое поспело...

Беринг. Пиво — это хорошо!

Анна. А ты что-то нынче прямо светишься, али вести какие хорошие?

Беринг. Да вот солнце выглянуло, знать, зиму пережили. Обоз из Тобольска с провиантом и парусиной пришел... Хотя... (*Грустнеет.*) С утра было предчувствие какое-то нехорошее... Родные края вдруг вспомнил дацкие... Доведется ли когда их узреть...

Начинает звучать музыкальная тема Беринга.

Анна. Ничего, все образуется... Свершишь свою экспедицию, вернемся в Питер. А там и до дацких вотчин недалеко... Тогда-то собольки мои и сгодятся...

Беринг. Дай-то Бог...

Анна. А с обоза посыльный уже приходил, два пакета тебе принес с царскими указами. Вон лежат...

Беринг. До обеда читать нонишные царские указы — только аппетит себе портить. Да ладно уж, гляну (*берет пакеты*). А ты носи пиво-то...

Анна (опять о своем). К купцу Семенову сегодня за сахаром ходила — чистый грабеж. В Петербурге за пуд семь рублей берут, а тут за полпуда десять содрал. Хоть бы жалованье тебе прибавили...

Беринг. Да не за жалование мы тут служим, а пользы Отечества для.

Анна. Кабы Отечество так о тебе пеклось, как ты о ем...

Беринг (начиная читать указ и вдруг резко вскакивая со стула). Ну и дура! Отменная дура! Вот что стоит глупую бабу на престол посадить! (*Читает вслух замершей на месте Анне.*) «Понеже Витус Беринг в Якуцке второй год живет токмо корысти своей для и за дело примерно не радеет, и уставы флотские не блюдет, повелеваю отныне платить сему Берингу жалование одинарное, а отнюдь не двойное...» Отблагодарила! Пожаловала за все труды, за все лишения!..

Анна. А ты говоришь «Отечество»!..

Беринг. «Корысти своей для»!.. Да неужто она мозгами куриными не дойдет, сколь непросто дела здесь вершить! Обозы по году идут! На голом месте верфи закладываем, корабли строим, гардемаринов из якутов учим, завод железный открыли... Дура венценосная!

Анна. Поттише, Витуся, как бы не услышал кто...

Беринг. А мне наплевать! (*Открывает второй пакет, читает, бессильно опускается на стул.*) А тут еще чище! (*Читает вслух.*) «По розыску Тайных дел канцелярии, лейтенанта Дмитрия Овцына, якшавшегося со ссыльными преступниками Долгорукими и внимавшему речам поносным о Государыне, после бития кнутом 40 ударами сослать в Охоцк матросом без выслуги...» Что творится! Что творится! Человек подвиг совершил, а его — под кнут!.. Ну не дура ли?! Шлюха Биронова!

Раздается стук в дверь, Беринг испуганно замолкает и настороженно оглядывается по сторонам. Анна тревожно крестится. Но входит Миллер. Он тоже чем-то взволнован и не замечает состояния Беринга и его жены.

Миллер (потрясая каким-то старым свитком). Что я сыскал, господин командор! Что я сыскал!

Беринг (мрачно). Ну, давай, добивай...

Миллер. На восемьдесят лет нас ранее! На восемьдесят лет!

Беринг. Чего «на восемьдесят»?

Миллер. Вот! Отписка казака Семейки Дежнева. Он с Колымы за Андыр-реку почти век назад морем прошел!

Беринг. За Анадыр-реку!.. Стало быть, проплыл проливом меж Азией и Америкой! А мы который год толкуем, есть ли сей пролив... Да, обошел нас Семейка...

Миллер. По всем статьям обошел!.. Чего теперь с отпиской сей делать?.. Али утаить до времени?..

Беринг стискивает голову в раздумье. Только теперь Миллер замечает царские указы, торопливо берет их, начинает читать. Звучит музыкальная тема Делакруа, он старательно пишет донос, повторяя свой пасквиль вслух.

Делакруа. «...и по чванливости своей и гордыне тот Беринг отписок мореходов старых в архиве якуцком не читал и по незнанию али во вред отправил Ласиниуса в Америку не с Колымы-реки, а дальним путем с Лены, погубив иво. И вина в том Беринга великая...»

Картина десятая

Звучит музыкальная тема «Время идти в поход», появляется Поэт, читает записку из журнала дубель-шлюпа «Якуцк», а затем свои стихи.

Поэт. Из журнала дубель-шлюпа «Якуцк»: «Августа третьего дня 1736 года. Журнал морской. Следуем от реки Оленека к весту ширины северной 72 градуса 54 минуты и длины 34 градуса 55 минут. В море стоит еще лед... В девятом часу усмотрели довольно число островов. Сколь чудно видеть берега незнакомые. Видно, что не ступала здесь нога человека. Ходячих медведей белых многое число. Моржи да тюлени на берег выходят и не боятся. Яко скотина какая домашняя...»

Наконец-то открылось
Пред ними студеное море.
Закачали «Якуцк»
Белопенные ночи и дни.
Вновь Семен и Василий
Встречают под парусом зори,
И невиданный берег
Наносят на карту они.

Проплывают вдали
Безымянные доли и горы,
Растворяет туман
Острова, что лежат вдалеке.
Только где он, тот Мыс,
Самый Северный Мыс,
За которым,
Их корабль на юг
Повернет к Енисею-реке?!.

На капитанском мостке дубель-шлюпа стоит у штурвала Прончицев, рядом — Челюскин с судовым журналом и треногой с квадрантом (старинным астрономиче-

ским прибором для определения координат). Челюскин отрывается от прибора и записывает координаты в судовую журнал. Возле Челюскина — подштурман Попов, который учится у опытного штурмана.

Прончищев (отдавая команду). Распустить фок, вторая смена — на весла. (Челюскину). Поспешать надо, опять льды ветром гонит.

Челюскин. А берег все на норд тянет...

Попов. На норд...

На мостик поднимается Дамаскин, который еще не вполне поправился после трагедии в лагере Ласиниуса.

Прончищев. Что, подышать воздухом поднялся, святой отец? Как, сил-то прибывает?

Дамаскин. Божьей милостью помалу. Оправлюсь, должно, вскорости...

Челюскин. Да, в рубашке ты на свет появился...

Дамаскин. Слава Богу, посыльные ваши подоспели. А то бы и мне конец пришел, как Ласиниусу и прочим служивым, царствие им небесное... Тридцать семь душ отпел в скорби великой... (Крестится)

Прончищев. Удаганке нашей молитву твори, кабы не она...

Дамаскин. Да творил уж не раз, хоть и грешно за кудесницу молить.

Челюскин. Грешно али нет, но, почитай, второй раз родился, так что теперь погибели на тебя век не сыщется.

Дамаскин. Дай-то Бог... (С опаской). Только, гляжу, больно уж далеко мы во льды зашли... А льды-то, никак, сжимаются... Суметь бы повернуть потом, коли что...

Прончищев. Повернуть всегда сумеем, не велика доблесть.

Дамаскин. Но и как «Иркутск» сгинуть... Не приведи Господь...

Челюскин. Опасения сии, святой отец, из уст твоих понятны...

Дамаскин. В опасениях — предостережение Господне...

Прончищев. Господь господом, а приказ приказом. И долг перед Отечеством... А ты бы ненароком не застудился, святой отец после болезни-то...

Дамаскин. Сие верно... Пойду к себе... (Уходит с мостика).

Прончищев (Челюскину, о Дамаскине). Пуганая ворона куста боится...

Челюскин. А ведь монах наш как в воду глядел: льды сжимаются и приморозило. Слышь, паруса-то звенят, застыли...

Попов. И туман от воды... Такой туман — к худому. И чайки все исчезли. Похолодает вскорости.

Прончищев. Ведаю. Но фортуны пытаться можно. До последнего будем биться, как Государь Петр учил... И где же сей Самый Северный Мыс лежит? Не должен же Таймыр бесконечно в море Ледовитое уходить?..

Челюскин. Не должен! Все одно повернет к зюйду.

Попов. Старики наши сказывали, мол, поворачивает, но далече. А сколь далече — меры не ведают...

На мостик выходит Мария, она несет в руках только что связанный теплый шарф. Подходит к Василию, обматывает шарфом его шею.

Мария. Вот, так теплее будет. А то стоишь на ветру целыми днями...

Василий (обнимая одной рукой Марию, не выпуская штурвал). Спасибо, милая, спасибо, моя мастерица! (Полушутливо.) Теперь любая стужа нипочем! (Целует Марию.)

Мария (оборачиваясь к Челюскину, потупившему взгляд). А теперь тебе, Сенечка, вязать стану. Ты ить у меня, после Васеньки, первый дружок... Тебе с двумя полосками вязать али с одной?..

Челюскин (грустно). С одной, Машенька... С одной-единственной...

Мария. А что ты, Сенечка, так грустен? Али нездоровится?

Челюскин. Да нет, здоров я, Машенька... так... вспомнилось...

Мария. А ты не вспоминай грустного...

Челюскин. Постараюсь... (*Обращается к Василию.*) Ты, поди, отдохни хоть немного, всю же ночь за штурвалом простоял...

Прончищев. Ладно, пойду, вздремну малость. А гардемарина Попова тебе в подмогу оставляю. Только начеку будь. Если что — зови. Туман-то и впрямь на глазах сильнее становится.

Мария. А я к гребцам спущусь, приободрю их чуток.

Прончищев. Умница моя.

Мария (на прощание Челюскину, шутливо). Носа не вешать, штурман! Так держать!

Челюскин (пытаясь ей в тон). Есть, господин командор!..

Прончищев и Мария уходят, Челюскин остается на мостике, рядом стоит Попов, который с тревогой всматривается в узкую полоску воды между льдами. Звучит музыкальная тема «Туман», Челюскин поет.

Снова мглою покрыт океан,
И пути наши снова неведомы.
И качается серый туман
Над студенными льдами и бедами.

Но сумею я выиграть вновь,
Я пройду эту даль нелюдимую,
Потому что со мною любовь,
Потому что я рядом с любимой.

Я в холодном тумане плыву,
И на чудо я смею надеяться:
Я люблю, ну а значит — живу.
Я живу — и туманы развеется.

Я любовью все льды растоплю,
Я растаю всю мглу эту серую:
Я живу, ну а значит — люблю.
Я люблю — и в удачу я верую.

Корабль продолжает двигаться на север, звенят паруса, бьются в борта льдины, весла ударяют по воде. На этом фоне идет разговор Марии с матросами, сидящими за веслами.

Мария. Ну как, братцы, не притомились?

Матросы. Не притомились, хозяйюшка. Дело привычное. (*Шутят.*) Знай себе помахивай веселушком, будто перышком. Вон Иван-то Зверев свое весло, почитай, в дугу согнул — так усердствует! (*Матросы смеются, Мария — тоже.*)

Зверев (угрюмо). Че зубы-то скалите! Незнамо еще куда гребете! Как жамкнут льды!..

Зырянов. Не каркай, ворон! (*Марии.*) А ты не слушай его, хозяйюшка, Зверев — он и есть зверь... Ты хозяйюшка, спой нам чего, polegшее будет...

Мария. Ну, коли просите...

Мария начинает петь, поднимаясь на мостик. Она подходит к Челюскину, который отрывается от квадранта и обращается к Марии и Попову.

Челюскин. Семьдесят семь градусов, двадцать девять минут. Так далеко на nord ни один корабль не заходил. Первые мы. Первые во всем мире... А поворота на зюйд так и не видать. (*Обращается к Попову, который смотрит в трубу.*) Не видать, Иван?

Попов. Не видать... А вот проход меж льдов на нет исходит. И далее льды великие видятся...

Челюскин. Ну-ка, дай трубу!.. И впрямь проход сужается...

Попов. Как бы не зажало...

Челюскин (Марии). Машенька, буди Василия. Тут консилиум командирский нужен.

Мария (уходя). И не поспал, бедный...

Челюскин (Попову, передавая ему трубу). Глаз с прохода не спускай. (*Отдает команду*). Убрать грот!.. Веслами помалу!

Прончищев спешно поднимается на мостик, выхватывает трубу у Попова, смотрит вдаль.

Прончищев. Велик еще проход. Пройдем!

Челюскин. Как бы не зажало, Василий... Может, повернем... Корабль бы не погубить...

Прончищев. За исполнение приказа я отвечаю! Можно еще вперед идти. (*Отдает команду*). Распустить грот!

Челюскин. Жизни на тебе людские, Василий...

Прончищев. Ведаю!

Начинает звучать музыкальная тема Прончищева «На север», он поет, продолжая вести корабль все дальше во льды.

Пусть терзают корабль озверевшие волны,
Пусть борта леденеют, крепчает мороз,
Но Петровский наказ я обязан исполнить,
Я же клятву ему перед Богом принес!

И какие бы беды нас всех ни косили,
Будет слово Петрово нас звать к рубежу.
Я пробьюсь, я дойду до пределов России
И над ними наш флаг водружу!

Едва Василий заканчивает петь, как с кормы корабля доносится выкрик вахтенного матроса: «Льды сзади! Льды сзади пошли! Вода закрывается!» В небе раздаётся тревожный крик журавля, едва видимого в тумане.

Челюскин. Быстрей, Василий!

Прончищев (начиная быстро крутить штурвал). Убрать паруса! На веслах: правым гребни, левым табань! Налегай!

Челюскин. Уф, едва развернулись!..

Прончищев. Зырянов, Зверев, взять багры, живо на нос! Льдины от шлюпа отпихивать!

Зырянов. Есть, господин лейтенант!

Матросы становятся на носу шлюпа, начинают отталкивать льдины. Появляется встревоженная Мария, останавливается позади матросов. Выходит и испуганный Дамаскин, читая молитву во спасение.

Зырянов. Бог не выдаст, свинья не съест! Пройдем. Ветру бы способного...

Зверев. Как же, жди, задует... Сами себе беду выпросили... Бабу на корабль притащили...

Зырянов. Ты опять про свое...

Зверев. Змея подколотная! Добренькой прикидывается... А все беды от ее!

Зырянов. Ты, Зверь, брось хозяйку поносить!

Зверев. А я нутром чую — от ее, от бабы! Огнем она сгори!

Зырянов. А кто тебя от высадки на берег спас, кто руку раненую вылечил?!

Зверев. А я не просил ее, ведьму! Подыхать будете — еще меня попомните!

Дамаскин (слыши их перепалку, Звереву). Уймись, исчадие адаво! Да как ты смеешь!.. Проклян!

Зверев. Не больно-то испугал!

Мария слышит злые слова Зверева, сникает и было идет в каюту, но потом вновь возвращается к гребцам.

Мария. Ребятюшки, поднажмите чуток! Потерпите малость! Спасители вы наши, дай вам Бог силушки!.. *(Выбегает на нос корабля и молится).* Святая Мария, Пресвятая Мария Магдалина, спаси нас и помилуй!..

Гребцы налегают на весла, корабль набирает ход, пытаясь вырваться из ледового плена.

Прончищев. А может, тут и останемся на зимовку, приткнемся к берегу, там, вроде речушка какая-то...

Челюскин. А если плавника не будет, из чего зимовье строить станем, да без дров не выжить...

Попов. В таком месте плавника может и не быть.

Прончищев. Без плавника сгинем, но и начинать будущим летом сызнава с Оленька — столь времени потерять... Эх, до берега бы добраться!..

Челюскин. Больно лед тонок, не выдержит человека... *(Неожиданно обращаясь к Попову.)* Ты говорил, что птицы исчезли, а мне показалось, будто журавль опять кричит... Тревожно...

Прончищев. Показалось, какие тут журавли! Мачты, небось, скрипят... А может, пристанем на удачу?

Челюскин. Но тогда уж обратного хода не будет... Ты командир, тебе и решать...

Зырянов (переключая своим криком их внимание). В трюме течь, льдиной пробило!

Прончищев. Попов — за штурвал! Челюскин — со мной в трюм! *(Уже на бегу, матросам).* Зырянов, Зверев, Прахов, — заделать пробоину! Воду откачать! Остальных наверх! Шестами льды отталкивай!

Начинается суета, и Мария, слышавшая разговор о плавнике, воспользовавшись отсутствием командиров, быстро скидывает за борт веревочную лестницу и спускается на лед. Она уже отходит от корабля, когда ее замечает Попов.

Попов. Человек за бортом!

Прончищев (выскакивая наверх). Кто за бортом?!

Челюскин (следом за ним). Где за бортом?!

Попов (показывая на Марию). Вон! Она, она за бортом!

Прончищев. Ты куда, вернись!

Челюскин. Осторожно, провалишься!

Мария. Не провалюсь. Я легкая. Я дойду. Дойду до берега.

Прончищев (бросая ей веревку). Держи, обвяжись!

Мария обвязывается веревкой и с опаской идет по льду, который трещит под ее ногами. Все тревожно наблюдают за ней. В этот момент появляется Святая Мария Магдалина и издалека простирает руки к Марии, будто поддерживая ее. Мария идет по тонкому льду, как Христос по водам. Все замирают, а потрясенный Дамаскин начинает петь «Святую Марию».

Мы нынче одни в этом море чужом и безбрежном
В холодном тумане исчезла родная земля,
И души озябшие греет одна лишь надежда
Да твой силуэт на застывшем носу корабля.

Но рядом с тобой не сломает нас эта стихия,
И путь нам осветит улыбка простая твоя.
Ты Богом ниспослана нам на удачу, Мария.
Мария, Мария, святая Мария моя!

И пусть за бортами угрюмо грохочет стихия,
Пусть скалятся льдины, погибель и беды тая,
Но рядом с тобой эти беды отступят, Мария.
Мария, Мария, Святая Мария моя!

Твоею молитвой сквозь льды проведет нас Мессия,
Твоею молитвой на родине встретят друзья.
Твоею молитвой Господь снизойдет к нам, Мария.
Мария, Мария, святая Мария моя!

В конце песни доносится далекий голос Марии.

Мария. Нету, нету здесь плавника!

Василий. Быстрей на корабль!

Мария возвращается на дубель-шлюп, и тут же вдруг раздаются крики по всему кораблю: «Ветер! Ветер задул! Ветер способный! Ветер!»

Мария. Спасибо тебе, Пресвятая Магдалина! Спасибо, спасительница наша!

Прончищев. Распустить паруса!

Дамаскин, Услыхал Господь мои молитвы!

Челюскин (радостно). Лед ветром крошит!

Попов. Вырвались! Спасены!

Прончищев (без радости, тихо). Спасены... *(Начинает медленно оседать на пол мостика, выпустив штурвал).*

Челюскин одной рукой подхватывает штурвал, другой пытается удержать Прончищева. Ему бросаются помогать Попов и Дамаскин, испуганная Мария.

Мария. Вася, Васенька, что с тобой?!

Прончищев. Ничего, ничего... Я сейчас... Притомился чуть...

Челюскин. В каюту его, в постель!

Морщась от боли и держась за левый бок, Василий, поддерживаемый женой, Поповым и Дамаскиным, спускается с мостика в каюту.

И тут начинает звучать диссонансом музыкальная тема «Дворец-танец шутов». Действие перемещается в Санкт-Петербург. Довольная Анна Иоанновна сидит в кресле, разглядывая и поглаживая только что полученное в подарок новое, богато украшенное ружье. Бирон читает ей очередной донос.

Бирон. «И во льдах сих по неумению бесславно сгинул Ласиниус с кораблем Вашего Императорского Величества. И ноне летом, пройдя малую часть пути и испугавшись льдов, повелел Прончищев повернуть назад...»

Анна Иоанновна. Все про льды да про льды ихние... Утомил... *(Вдруг глаза ее загораются живым блеском).* А давай мы свои льды устроим! На Неве зимой! Фигуры ледяные!

Бирон. А может, уж целый дом ледяной?..

Анна Иоанновна. Дворец! Дворец ледяной! И!.. И!.. Устроим там женитьбу потешную шута Балакирева на шутихе-колмычке!

Бирон. Отлично задумано, Ваше Величество!

Анна Иоанновна (развивая свою идею). И чтоб шествие с факелами, с люминацией! И чтоб кровать ледяная, и чтоб посуда ледяная! И чтоб со всей России шутов собрать в гости... И чтоб в конце ферверк!

Бирон. Прекрасные мысли, Ваше Величество! Европа просто умрет от зависти!

Анна Иоанновна (подскакивая в восторге и даже отбрасывая ружье). И чтоб всех посланников иноземных призвать!.. И чтоб!.. И чтоб!.. Она от избытка чувств вдруг начинает сама танцевать под музыку «Танец шутов». Бирон тут же принимается выдвигать коленца вместе с нею.

Картина одиннадцатая

Каюта Прончищева на шлюпе. Больной Василий лежит в постели. Возле него — Мария. Она заботливо укрывает мужа, трогает его лоб.

Мария. Самую малость осталось потерпеть, Васенька. К устью Оленека уже подошли, до зимовой — рукой подать. А там и тепло, и покой. Выхожу тебя...

Прончищев. Да мне полегчало, милая. Бок отпустило, и в очах светло. Впору вставать...

Мария. И не помышляй! Семену оленецкий фарватер не хуже тебя ведом. Проведет шлюп к зимовьям. Торопиться теперь некуда.

Прончищев. Вот уж точно, некуда... Второй раз оконфузились, не прошли в Енисей. Не знаю, как Берингу в очи глядеть стану...

Мария. Да в чем твоя-то вина? Вон в какую даль, в какие льды великие зашли! Ведь там отродясь человека не бывало! Слава Богу, что живыми вернулись!..

Прончищев. Живыми да бесславными...

Неожиданно раздается скрежет днища о каменистую мель. Василий резко вскидывается, замирает, прислушиваясь. Мария — тоже. С палубы доносятся крики: «Мель! На мель сели!» Судно, натужно скрипя веслами, сползает с мели назад. Раздается звук падающей в воду якорной цепи. Мария хочет выйти на палубу, но навстречу ей входит Челюскин.

Челюскин. Ничего не смысло. Фарватер сам промерял, не менее пяти футов под килем было! Откуда же мель взялась?!

Прончищев. На главном фарватере мель?

Челюскин. На главном... Ничего не смысло...

Прончищев. А ветер откуда?

Челюскин. С зюйда, с берега.

Прончищев. Вот он и согнал воду с устья и залива Оленецкого. В море согнал.

Челюскин. Верно... И ждать опасно, в любой час льды с реки погнать может. Утащат в море и изотрут.

Прончищев. Надо на ялботе плыть, другие протоки проверять, может, еще где ход есть...

Челюскин. Я сейчас. Попова с собой возьму и матросов на весла...

Прончищев (поднимаясь с постели). Постой, Семен, я сам поеду. Я те протоки лучше знаю...

Челюскин. Да куда ты!..

Мария. Ты что, Васенька, едва в себя пришел!..

Прончищев (Челюскину). Я тут отлеживался, а ты сутками на вахте стоял... Корабль ото льдов беречь тоже кому-то надо. Поставь на нос матросов с баграми... Дамаскин пусть Андрею-покровителю молебен отслужит...

Челюскин. Да ты на ногах-то едва держишься...

Мария. Куда ты, Васенька...

Прончищев. Заладили! Пока жив — я командир шлюпа! *(Отдает приказ.)* Штурман Челюскин, исполнять команду!

Челюскин (негромко). Есть, исполнять команду, господин лейтенант.

Прончищев. Не надо «господинов»... не обижайся, Семен. Долг мне велит...

Все трое выходят на палубу. Мария, обнимая Василия на прощанье, снимает с себя нательный крестик и одевает ему на шею. А он одевает ей свой крест. Звучит музыкальная тема Прончищева «На Север», Василий садится в ялбот и отплывает искать фарватер. Мария с тревогой смотрит вслед уплывающему ялботу и невольно движется вслед за ним вдоль борта корабля, будто пытаясь догнать или остановить мужа. Опять тревожно курлычет журавль. Появляется Мария Магдалина, но и она на сей раз бессильна что-либо сделать — рок, нависший над Василием, не отворотим...

На нос корабля выходят с баграми матросы Зырянов и Зверев. Зверев на ходу обжигает Марию ненавидящим взглядом. Матросы начинают расталкивать редкие пока льдины, продолжая свой неприязненный диалог.

Зверев. Че я баял?! По следу беда тащится. Уж было до зимовий дошли, и сызнова все супротив нас!

Зырянов. Да прикрой глотку-то! Ей и без твоих речей тошно...

Зверев. И пушай слышит! На кой хрен не в свое бабье дело полезла?!

Зырянов. Жаль, шибко добры командиры наши, я бы враз тебя плетью отодрал. Повыбил бы злобу-то...

Зверев. Я их не больно страшусь, а вот ты меня поостерегись! Как бы ненароком за борт не нырнул!

Зырянов. Ты сам сейчас нырнешь, сволочь!

Челюскин. Эй, на носу! Что за шум?! Прекратить!

Зырянов (тихо). Руки марать не хочется...

Зверев (тоже негромко). Ничто, ишшо встретимся... Да я бы всех вас... И Беринга в первую голову. Добренький, разрешил бабу взять... Ему-то хрен ли в Якутске на пуховиках со своей Анной не тешится... А нас, дураков, загнал в самую погибель...

Начинает звучать тема Беринга, и мы оказываемся на необитаемом острове недалеко от Камчатки, куда был выброшен корабль командора на обратном пути из Америки. Впоследствии этот остров получит имя Беринга. Рядом с умирающим командором сидит в форме матроса Дмитрий Овцын, он пытается напоить Беринга водой и как-то утешить. Появляется Поэт, читает стихи о Беринге

Поэт.

Он лежит в землянке и вздыхает,
Глядя в наплывающую тьму.
И песком по стенке утекает
Время, что отпущено ему.

Знать, его планиде было нужно
С именем Петра вершить весь век:
Петр Великий поверстал на службу,
«Петр Святой» разбил о дикий брег.

И сегодня, в день исходный, снова
Эта доля эхом отдалась:
В Петербурге стольном дочь Петрова
На престол Петровский поднялась.

Впрочем, он об этом не узнает:
Больно путь до Питера далек.
Он лежит и тихо умирает,
Вороша обиды и песок.

И теперь, теперь — последний пеленг.
И архангел говорит: «Пора...»
И уходит в небо Витус Беринг —
К самой вечной гавани Петра.

Беринг умирает, и тут же в землянке командора появляется его помощник Мартын Шпанберг.

Шпанберг. Старик умер. Теперь командор я! (*Командуя Овцыну и сопровождая свою команду подзатыльником.*) Бистро похоронить Беринг и марш матросский сем-лянка! Я научу тебя флотский устав, проклятий саговорщик!

Овцын выходит из землянки, вытирая слезы и по командору, и по своей загубленной жизни...

А где-то в Якутске жена Беринга Анна, облаченная в траур, тем не менее деловито и суетливо запикивает в сундуки соболей и торопливо покидает город. Как позже выяснится, она сумеет вывести в Петербург огромное количество мехов, не заплатив за них пошлины ни на одной из сибирских и уральских таможен...

Мы снова оказываемся на дубель-шлюпе «Якуцк». Слышится плеск весел подходящего к кораблю ялбота. Доносится голос Попова: «Прими конец. Помогни командиру». На палубу, хромя, опираясь на Попова и Зырянова, через силу поднимается Василий.

Челюскин (догадываясь о неудаче). Не сыскали?

Прончищев. Нет... Нет другого прохода...

Мария (в тревоге, бросаясь к мужу). Васенька!.. А с ногой... с ногой что?..

Зырянов. Лыдина из-под ялбота выскочила, весло вывернула... Перебило ногу...

Прончищев. Ждать придется... Ждать... (*Безжизненно повисает на руках держащих его людей.*)

Звучит реквием. Дует ветер, льдины бьются в борта корабля. В каюте Прончищева лежит на кровати умерший Василий. Над ним склонилась потрясенная горем Мария. Рядом шепчет молитвы Дамаскин. Сидит, всхлипывая, гардемарин Попов. Появляется Поэт, начинает читать стихи.

Поэт.

Как свирепо ревет
Над рекой обезумевший ветер,
Не услышишь ни стонов,
Ни горького плача жены.
Чем измерить беду,
Коль теперь уже нету на свете
Человека, с которым,
Казалось, на век сведены.
Поднимись же, Василий,
Взгляни, как Мария красива,
Как ты молод и статен,
Вам только бы жизнь начинать.
Как встречала бы вас
Синеокая наша Россия,

Как бы вас привечала
Вдали поседевшая мать...
Как свирепо ревет
Над рекой обезумевший ветер...

Начинает звучать тема Делакруа. Он появляется и с явным злорадством читает вслух свой донос.

Делакруа. И по неразумению своему стояли они в устье реки четверо ден, за малым не погубив корабль. И тот Прончищев умер на корабле от цинготной болезни. И команду на себя своевольно взял штурман Челюскин, кой дело все загубит, и в капитаны его ставить нельзя!..»

Картина двенадцатая

Берег Оленека возле зимовий. У могилы Василия Прончищева, выстроившись в ряд, стоят с фузеями гардемарин и матросы. Рядом — жители маленького соседнего селения. Все они в печали, даже Зверев глядит на Марию с каким-то сочувствием. Дамаскин читает заупокойную молитву. Челюскин поддерживаает Марию. Звучит реквием.

Челюскин (оставляя Марию). В память командира нашего Василия Прончищева, отдавшего жизнь во славу государства Российского и прироста его могущества... (взмахивает рукой) Пли! Пли! Пли!

Звучит троекратный залп. Мария опускается на могилу, начинает причитать.

Мария. Васенька, Васенька, да что же мне теперь делать-то?! Как жить без тебя, родимый ты мой?!..

Челюскин (пытаясь поднять Марию). Голубушка... Голубушка ты наша... Крепись... Не надо так...

Мария (сопротивляясь). Я тут останусь! С ним! Васенька!

Челюскин (силой отрывая ее от могилы и уводя к зимовью). Пойдем, пойдем, Машенька... Не убивайся так... Надо держаться... Надо жить...

Мария. Не смогу я без него, Сенечка... Не смогу...

На фоне звучащего реквиема опускается белый журавль и обращается в удаганку с бубном. Она бьет в бубен, повторяя как заклинание несколько фраз.

Удаган-Куо. Духи Верхнего мира, спасите ее! Духи Среднего мира, пощадите ее! Духи тундры моей, сохраните ее! (Через какое-то время, отчаянно отбрасывая бубен в сторону). Она не хочет! Она сама не хочет!..

Появляется Поэт, начинает читать стихи.

Поэт.

Ей привидится ночью
Василий живым и любимым.
Будет гладить ей плечи
И тихо с собой ее звать.
И она согласится,
Конечно,
Пойти за родимым...
И наутро с постели
Не сможет сама уже встать.

Семь ночей ледящих
Закружат вороньею стаей,

Семь мертвящих ночей
Вырвут крохи оставшихся сил.
И у всех на глазах
Невозвратно Мария растает,
Как свеча, у которой
Дамаскин молитвы творил...

Челюскин входит в пропитанную слезами и болью землянку Марии, она с трудом поднимается ему навстречу.

Мария. Семен, это ты?

Челюскин. Я...

Мария. Туфельки мои... с корабля... принес?

Челюскин. Принес.

Мария. Подарок Васенькин... Надень их на меня.

Челюскин. Да холодно же, а ты так больна... Не надо сейчас, голубушка!..

Мария. Силы уходят, Сенечка... Исполни мое желание. Последнее. Я хочу к нему... красивой хочу... как тогда...

Челюскин надевает Марии туфельки, и она уходит куда-то вдаль, вслед за Василием.

Звучит музыкальная тема «Святая Мария», Дамаскин поет над двойной могилой Василия и Марии, где им суждено уже вечно лежать рядом.

Ты, словно голубка, из мира ушла за любимым,
За суженым вслед ты шагнула за грань бытия,
Но в памяти нашей ты светишь огнем негасимым,
Мария, Мария, святая Мария моя!

Пусть стыннут от ветра соленые слезы скупые,
Но гимном великой любви прозвучит лития.
Пускай же Господь вас обнимет на небе, Мария.
Мария, Мария, святая Мария моя!

Я знаю, я верю, тебя не забудет Россия,
Твой лик осияет студеным этот край!
А я за тебя буду вечно молиться, Мария,
Мария, Мария, святая Мария моя!

Дамаскин уходит от могилы и на его месте появляется Семен Челюскин, чтобы сказать последние сокровенные слова умершему другу и любимой.

Челюскин. Спите спокойно. Пусть сия земля студеной будет вам пухом... Василий, прости меня, Василий... но теперь уже можно... Василий... я любил жену твою... Мария, ты слышишь. Мария, я любил тебя! Более всего на свете любил. И не будет мне радости без тебя нигде и ни в кои годы... Но я клянусь, клянусь вам обоим, что дойду, из последних сил доползу до Мыса Самого Северного, что сгубил вас. И нареку мыс сей именем твоим, Мария, Машенька!.. Клянусь!..

Незаметно появившаяся с небес Удаган-Куо порывается было подойти к Челюскину и утешить его, но, услышав его слова, понимает, что он любил и всегда будет любить только Марию. Удаганка уходит, печально опустив голову и смирившись с потерей не обретенной ею любви.

Картина тринадцатая

Звучит музыкальная тема Поэта, он появляется, начинает читать стихи.

Поэт.

Прошло пять лет
Но ни одна попытка
Не удалась
Достигнуть Мыса морем.
В конце концов
Суровый Дмитрий Лаптев
Корабль «Якуцк»
Сгубил «во льдах великих»,
Едва спася команду.
Но Челюскин
Не сдался
И, о клятве памятуя,
Решил дойти до Мыса он
По суше...

Ночная заснеженная тундра. Вверху горят созвездия Большой и Малой Медведиц, светит Полярная звезда. В полной тишине слышится леденящий душу волчий вой. В темноте вспыхивают зеленые огоньки волчьих глаз. Вспышка огня, грохот выстрела, визг раненого зверя. У маленького, тускло костерка, едва различимы, сидят Челюскин, Зырянов и Зверев. К ним подсаживается Попов с фузеей в руках, который только что стрелял в волков.

Попов. Одолели волки проклятые! Однако никогда людей не видали, совсем не боятся!

Зверев. Так и лезут! Кабы не фузеи да огонь,— мигом бы порвали.

Зырянов. Ишь, как глазищи-то горят. А впереди все белый крутится, вожак, видать, седой ажно...

Попов. Старики говорят, когда черный шаман умирает, его душа в белого волка переходит. Шибко плохой белый волк!

Челюскин. Ничего, братцы, не робей. Фузеи есть, пороха в достатке. Оборонимся... Как, передохнули чуть?..

Зверев. Передохнешь с пустым животом...

Зырянов. Кабы теперь мамон-зверь из моря вышел, да уложить бы его из фузеи... Вот бы мяса было...

Попов. Старики говорят, эти мамоны только на самых глубоких местах в море Ледовитом остались. Живыми-то их никто не видал...

Челюскин. Будет, братцы. Мечтаниями харч не преумножить. Идти надо... (*Обращается к Зырянову.*) Андрей, твой черед бревно нести... (*Обращается ко всем.*) Исполним долг наш перед Петром Великим и перед императрицей Анной Иоанновной. Она, может, теперь ночь не спит в заботах о нас и Отечестве, а мы раскисли!..

Зырянов (мечтательно). Не спит... Из-за нас-то недостойных... Им-пе-рат-ри-ца, матушка наша!..

Начинает звучать музыка «Дворец-танец шутов», из питерских далей возникает расцветенный огнями Ледяной дворец, наполненный шутами и царедворцами, справляющими свадьбу шута Балакирева.

Шуты кривляются и дурачатся, как могут. Придворные стараются от них не отставать, чтобы не вызвать гнева царицы. Вспыхивает фейерверк, стреляет

шампанское. Всеобщее веселье плещется через край. Счастливая Анна Иоанновна хлопает в ладоши, стоя рядом с Бироном.

И вновь далекая заснеженная тундра. Изможденные путники тяжело поднимаются. Челюскин берет на плечо треногу с квадрантом, Зырянов — бревно, которое нужно для знака-репера на мысу. Попов и Зверев тянут мерную цепь. Звучит музыкальная тема «Время идти в поход».

Гардемарин и матросы идут с трудом следом за Челюскиным. Диск солнца и звезды несколько раз сменяют друг друга, сияет снег на ослепительном весеннем солнце. Временами слышится волчий вой, выстрелы. Бревно переходит от одного к другому. Наконец, несущий его Зырянов не выдерживает и падает.

Зырянов. Все!.. Нету сил моих боле. Прости, господин штурман, но не могу я, не могу! Оставь меня здесь...

Зверев. Волкам на корм захотел?!

Челюскин (поднимая Зырянова). Держись, Андрей. Чует сердце, недалече осталось. (Говорит Попову.) Пособи ему, Иван. (Взваливает бревно на плечо и, покачиваясь, идет вперед.)

Зырянов (испуганно, опираясь на Попова). Свет... Свет застило... Ослеп, ослеп я, братцы! Погибель, видно, пришла...

Челюскин. Что с тобой, Андрей?

Зырянов. Ослеп! Ослеп вовсе!

Попов. От снега сие, снег блестит шибко. Смотреть на снег нельзя!

Челюскин (вспомнив). Да это слепота снеговая. Завяжи ему глаза тряпкой, Иван. И сам поостерегись. (Звереву). И ты, Степан, тоже!

Челюскин снова идет вперед, за ним тащит цепь Зверев, Попов ведет Зырянова с завязанными глазами. Все они постепенно отстают от Челюскина. Он останавливается, ставит столб в сугроб, обращается к спутникам.

Челюскин. Всем привал. Что-то и я ослаб...

Зверев (Челюскину). Поворачивать надо, штурман! Не выйдем назад, сил не достанет... (Показывает на Зырянова.) Этот-то доходяга точно свалится...

Зырянов (Челюскину). Обо мне, господин штурман, не думай. Брось, коли што...

Попов. У нас в тундре друзей бросать не принято.

Челюскин. Все выйдем... Выйдем!.. (Всматриваясь в даль). Никак журавль кружит...

Зверев. Какой там журавль посреди снегов!

Зырянов. Привиделось, господин штурман.

Попов (догадываясь). Да это ж она...

Челюскин. Никак место указывает?.. Погодите-ка меня малость...

Он берет мерную цепь, покачивается, но упрямо идет вперед, утягивая цепь за собой. И вдруг резко ускоряет шаг, сначала что-то шепчет про себя, а потом начинает говорить все громче и громче.

Челюскин. Неужель берег к зюйду поворачивает? Не может быть... И впрямь к зюйду!.. (Закрывает лицо руками, трясет головой.) К зюйду!.. Дошли... Дошел!.. (Опускается на колени.) Дошел! Дошел! (Поворачивается к своим спутникам.) Сюда! Скорее! Дошли!

Гардемарин и матросы поднимаются и неуклюже бегут к Челюскину с криками: «Дошли! Дошли! Дошли!» Но начинает звучать тема Делакура и появляется он со своим доносом.

Делакура. «А тот Семен Челюскин до Мыса Самого Северного не дошел, понеже человеку нет никакой возможности туда дойти. И описание Мыса измыслил и координаты его измыслил. Посему, дабы обманщика не увековечить, имя Челюскина то-

му мысу не давать, а тем паче нарушительнице Устава Прончищевой. Радею о сем, яко верный слуга Отечества и Престола...»

Перебивая Делакруа, начинает звучать музыкальная тема поэта.

Челюскин. Не верьте ему! Не верь им, Мария! Ты слышишь, Мария, я дошел! Я дошел!

Откуда-то доносится голос Марии: «Я слышу, Сенечка! Я слышу!» Челюскин и его спутники замирают в ожидании чуда, и чудо происходит. Появляется Мария и благодарно обнимает и целует сначала Семена, а потом гардемарина и матросов, в том числе и Зверева. За Марией появляются Василий Прончицев, Витус Беринг, Петр Ласиниус, Дмитрий Овцын с Екатериной Долгорукой. Все они благодарят Челюскина, радуются общей встрече. Следом появляется Удаган-Куо и тоже радостно обнимает Челюскина. Он в порыве благодарности и нахлынувших чувств неожиданно целует ее.

Прончицев. Спасибо, Семен, что слово сдержал! Молодец!

Беринг. Утешил, старика! Утешил! Дошел-таки до своего Мыса!

Ласиниус. Теперь моя душа успокоится.

Овцын. Молодец Семен, что не сдался! Это по-нашему!..

Мария. Спасибо, Сенечка! Спасибо, дружок!..

Беринг. Теперь и рапорт о завершении экспедиции подавать можно!

В этот момент вдруг появляется сам Петр Великий, довольный своими питомцами. Офицеры и матросы невольно вытягиваются во фронт перед государем, дамы склоняются в поклонах.

Петр I. Готов принять ваш рапорт!.. Да вольно! Вольно! Дайте-ка, я вас обниму, мои родные, птенцы мои разлюбезные! Поклон вам низкий за службу, за верность и честь, за то, что исполнили мое завещание. Ведомо мне, все ведомо, какие лишения и муки вы испытали, какую погибель приняли, верша пользу Отечеству, и что за труды свои получили. Но пройдет время, и засияют имена ваши на картах империи Российской и мира целого, самыми высшими наградами! И память о вас будет жить вечно в народе российском. А ну, подать всем по чарке рома государева! *(Придворные вносят и раздают бокалы.)* Виват вам, голубчики! Виват!

Звучит музыкальная тема «Россия». Петр I обнимает, благодарит всех участников экспедиции, чокается с ними своим кубком и уводит за собой куда-то в небеса.

Занавес.

Венчание Василия и Марии

Бирон, Анна Иоанновна, придворные дамы

Мария и Василий по дороге на Север

«Якуцк» уходит в поход

Мария видит белых журавлей-стерхов

Мария и погибший Василий.

☞☞☞☞